

МЕЧ ВАЙУ

ВИТАЛИЙ
ГЛАДКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Исторические приключения (Вече)

Виталий Гладкий

Меч Вайу

«ВЕЧЕ»

2010

Гладкий В. Д.

Меч Вайу / В. Д. Гладкий — «ВЕЧЕ», 2010 — (Исторические приключения (Вече))

К середине II века до н. э. почти всё Северное Причерноморье было захвачено неустрашимыми и жестокими племенами сарматов, бывших кочевников, создавших сильное и агрессивное государство. Эпоха Скифских царств закончилась. Разрозненные остатки скелотских родов укрылись в Таврии и за Борисфеном. Но и там им не было покоя от безжалостных врагов. И тогда последний царь древнего Атейополиса Марсагет придумал как одержать победу.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	46
Глава 10	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Виталий Гладкий

Меч Вайу

© Гладкий В. Д., 2010

© ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

...Первыми жителями этой еще не обитаемой тогда страны был человек по имени Таргитай. Родителями этого Таргитая, как говорят скифы, были Зевс и дочь реки Борисфена¹. Такого рода был Таргитай, а у него было трое сыновей: Липоксай, Арпоксай и самый младший – Колаксай. В их царствование на Скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Первым увидел эти вещи старший брат. Едва он подошел, чтобы поднять их, как золото запылало. Тогда он отступил, и приблизился второй брат, и опять золото было объято пламенем. Так жар пылающего золота отогнал обоих братьев, но когда подошел третий, младший брат, пламя погасло, и он отнес золото к себе в дом. Поэтому старшие братья согласились отдать царство младшему.

Так вот, от Липоксая, как говорят, произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата – племена катиаров и траспиев, а от младшего из братьев – царя – племя паралатов. Все племена вместе называются сколотами, т. е. царскими. Эллины же зовут их скифами.

Геродот.

История в девяти книгах. «Мельпомена»

---

¹ Борисфен – река Днепр.

Глава 1

Теплая летняя ночь окропила сонную землю обильными росами. Светало. Ключья тумана выползали из болот, цепляясь за кроны могучих дубов, сваливались в глубокие овраги, обволакивая небольшие лесные озера, которые уже начали просыпаться, задышали теплым паром из своих темных загадочных глубин.

Заворчал, пробуждаясь, и грозный Борисфен, ударил о берег волной, прогоняя остатки ночных сновидений. Взметнулась из его глубины рыбина, сверкнув серебром чешуи, за ней другая, третья – по речному плесу побежали дрожащие круги.

Ухнул в глухой чащобе глазастый филин, забываясь после удачной охоты в дупло старой липы; где-то в камышах закричала выпь. Шумно сопя и пофыркивая, среди густой травы неторопливо прокатился еж. На небольшую поляну, где виднелась узкая тропа, пробитая лесным зверьем к водою, выскочил длинноухий заяц и, сторожко кося глазами по сторонам, принялся торопливо щипать листочки клевера.

Неожиданно в глубине леса затрещал сухостой, раздался мерный топот копыт, приглушенный толстым слоем прошлогодних листьев, и на поляне появился огромный олень. Заяц с перепугу подпрыгнул на месте и серой тенью растворился в ложбине, поросшей терновником. Олень недовольно фыркнул ему вслед и неподвижно застыл посреди поляны, внимательно прислушиваясь. Тугие клубки мышц под серовато-коричневой шерстью чуть подрагивали в напряженном ожидании, готовые взорваться молниеносным прыжком, ветвистые рога, отполированные лесной чащобой, высились короной на голове лесного великана, большие ноздри нервно трепетали, ловя лесные запахи: и сладковато-пряный трухлявого пня, и острую кислинку муравейника, и еле уловимый запах лесного кота, который ночью охотился в зарослях осинника.

Невесть откуда прилетевший ветерок пробежал по верхушкам деревьев и, заплутавшись в чащобе, затих, оставив после себя тревожный запах надвигающейся опасности. Олень резко мотнул головой и в высоком прыжке бросил мускулистое тело в заросли. Но в этот миг загудела отпущенная тетива, стрела со свистом впилась ему под левую лопатку, и, с хрустом подминая кусты, олень грохнулся на землю.

Затрещали ветви столетнего дуба, выросшего у края поляны, и на землю кубарем скатился охотник – широкоплечий круглолицый юноша, черноволосый и смуглый, одетый в стеганую безрукавку, отороченную лисьим мехом, и узкие шаровары из грубого полотна, заправленные в невысокие сапожки мягкой кожи. Отбросив в сторону лук, он вытащил из-за пояса нож, подбежал к оленю и полоснул его по шее. Кровь брызнула фонтаном на примятую траву, олень захрипел, забил ногами, разбрасывая вокруг себя комья дерна. Ловко увернувшись от острых копыт, юноша вцепился в шею зверя и жадно прильнул губами к кровоточащей ране...

Когда юный охотник закончил свежевать добычу, солнце уже успело окрасить горизонт в розовые тона. Юноша сложил мясо в снятую шкуру; крепко стянув концы, связал. Затем тщательно вытер руки пучком травы, потуже затянул широкий кожаный пояс, на котором висел акинак² в деревянных ножнах, украшенных золотыми полосками, подобрал брошенные в охотничьем азарте лук и горит³. И застыл, внимательно прислушиваясь. Тихо. Только неугомонные лягушки квакали на все лады в камышах да полусонные сверчки настраивали свои трещотки, отсыревшие за ночь.

Пронзительный свист всколыхнул утреннюю тишину. Стайка диких голубей с шумом выпорхнула из чащобы и закружила над перелеском. Юноша прислушался, затем свистнул еще раз. В ответ раздалось громкое ржанье и топот копыт, и на поляну выбежал вороной конь.

---

² Акинак – короткий скифский меч (40–60 см).

³ Горит – футляр для лука и стрел.

Юный охотник ласково потрепал по шее своего любимца, поправил подпругу и нагрудные ремни, достал из небольшой холщовой сумки, притороченной к седлу, деревянный гребень и принялся старательно вычесывать колючие шарики репейника из коротко подстриженной гривы и хвоста. Покончив с этим, еще раз поправил сбрую, взвалил на круп коня оленью шкуру с мясом и привязал ее волосяным арканом. Легким прыжком вскочив в седло, он тронул поводья, и вороной зарысил по звериной тропе.

Солнечные лучи с трудом пробивали густой лиственный шатер, освещая таинственный полумрак пралеса. Огромные, в два-три обхвата, стволы терялись где-то в вышине, сплетаясь узловатыми ветвями в единое целое. Потрескивал под копытами сушняк, с тихим шелестом смыкались позади узорчатые листья папоротника, роняя на землю капли росы.

Лес постепенно становился реже, высоченные дубы и могучие липы уступали место кленам и белокорым березам, все чаще на пути попадались кусты рябины.

Неожиданно, где-то впереди, тревожно застрекотали сороки, и шумное крикливое воронье закружило над верхушками деревьев. Конь вздыбился, остановленный на бегу, и тут же, укрошенный сильной рукой юноши, застыл на месте, грызя от нетерпения удила. Взяв лук на изготовку, охотник, слегка согнувшись, принялся тревожно вглядываться в просветы между деревьями.

Какие-то еще неясные, непонятные звуки рождались там, впереди, за кромкой лесного разлива, где начиналась бескрайняя ковыльная степь. Они волнами накатывались на лесные заросли, заставляя зверье в страхе убежать подальше, в спасительную глубину леса.

Юноша соскочил с коня и, легонько похлопав его ладонью по холке, заставил лечь на землю. Затем двинулся быстрыми перебежками вперед, туда, откуда доносились звуки, взбудоражившие лесную тишину. Вскоре он был на опушке леса, где и затаился на пригорке, за кустом шиповника.

Перед ним раскинулась степь, напоенная запахами разнотравья. Светло-зеленый травяной ковер выгорел под лучами солнца, окрасился в серовато-рыжие тона, и только в тени деревьев, кучками разбросанных до самого горизонта, он все еще пестрел сочными весенними красками.

По степи медленно полз огромный караван. Хвост его скрывался в неглубокой балке, а голова была уже совсем близко от юноши – на расстоянии полета стрелы. Скрипели деревянные колеса, над повозками высились походные юрты, низкорослые безрогие волю упрямо тащили нелегкую поклажу, не обращая внимания на облепивших бока оводов и мух. Поодаль, в степи, рассыпались стада овец, коров, лошадиные табуны, между которыми, хлестко шелкая нагайками, носились взад-вперед пастухи на низкорослых лохматых лошадках.

По сторонам каравана, оживленно переговариваясь, ехали вооруженные всадники, длинноволосые и бородатые, одетые в кожаные безрукавки и полосатые шаровары из грубой холстины. На темно-коричневом фоне кожаной одежды яркими белыми пятнами выделялись полотняные рубахи, вышитые красными и зелеными нитками. Из больших деревянных горитов выглядывали луки и пучки стрел. Притороченные к седлам дротики, копья, круглые и овальные щиты, обтянутые толстой кожей, небольшие топоры на гладко отполированных рукоятках и – у очень немногих – короткие мечи-акинаки, подвешенные к поясу, дополняли наряд воинов, свободно и непринужденно сидящих на коротконогих лошадках. Бронзовые бляхи, украшающие уздечки и нагрудные ремни коней, звенели, брнчали, дребезжали на все лады, внося свою лепту в шум движущегося каравана.

Все это юноша окинул одним взглядом. Нечто другое привлекло его пристальное внимание: немногочисленная группа воинов во главе каравана. По своему внешнему виду они резко отличались от остальных: украшенное золотом и драгоценными камнями оружие, дорогие чешуйчатые железные панцири, богатая, тонкой выделки сбруя на холеных скакунах, высокие конусообразные войлочные шапки.

Впереди ехали три воина в длинных плащах. Один из них, в пурпурном палудаменте⁴, с массивной золотой гривной⁵ на шее, в бронзовом, ярко начищенном шлеме, прикрывающем длинные, чуть тронутые сединой волосы, изредка коротко и властно отдавал приказания, и тогда два-три воина срывались с места в галоп и уносились в хвост каравана или в степь. Двое других, в одинаковых темно-коричневых плащах, хмуро поглядывали по сторонам, то и дело осаживая коней, норовивших перейти на рысь и обогнать едущего впереди военачальника.

Тем временем головной отряд воинов настолько приблизился к затаившемуся охотнику, что стали видны самые мелкие детали снаряжения. Еще раз окинув взглядом длинную змею каравана, юноша соскользнул в неглубокий овраг и скрылся в кустарнике.

---

⁴ Палудамент – плащ военачальника из шерсти или льна.

⁵ Гривна – шейный обруч из драгоценного металла.

Глава 2

Невеселые мысли одолевали вождя одного из племен степных скотов Радамасевса. Уже два года племя кочует в поисках надежного пристанища. Словно голодные волчьи стаи рыщут по степи отряды сармат. Поредели ряды его воинов в кровопролитных схватках. Три сына сложили головы среди буйных степных трав, три поминальные тризны отметили нелегкий путь старого вождя от стен родного селения к берегам Борисфена.

Под ударами тяжелой конницы сармат распался союз племен скотов, обломок бывшего царства мудрого царя Атея⁶. Даже в дни всенародного бедствия вожди племен не смогли забыть свои распри, свою вражду друг к другу, не смогли объединиться, чтобы дать отпор завоевателям. Бежали, как зайцы: кто к Меотиде⁷, кто в Гилею⁸, кто к Понту Евксинскому⁹. Бежали, сжигая за собой степь, засыпая колодцы, чтобы сарматам негде было напоить и накормить коней, пополнить запасы продовольствия. Думали отгородиться огнем от врага, раствориться среди бескрайних степей, переждать. Да просчитались: сарматы, прирожденные кочевники, не изнеженные эллинскими обычаями, все больше входившими в моду среди скотов, особенно состоятельных, и не помышляли отказаться от богатой добычи, которую сулил им поход. Как черные коршуны, кружили многочисленные сарматские дружины вокруг беглецов. Поднимая копытами боевых коней тучи пепла, они настигали разрозненные племена скотов, и тогда бушевала грозная сеча с раннего утра до сумерек. И уже не один вождь скотов пожалел в последний час о своей глупой гордыне, стоившей жизни ему и соплеменникам.

Радамасевсу удалось оторваться от преследователей, запутать следы каравана в степях и лесных зарослях. Но какой дорогой ценой! Он даже застонал от горечи, вспомнив своего любимца, младшего сына, которому хотел передать после смерти почетный знак вождя – бронзовый полированный топорик в виде головы орла, священного предка их рода. Не осталось у него наследников...

Тревожные возгласы воинов прервали мрачные мысли Радамасевса. Где-то позади каравана послышались крики дозорных, злой собачий лай. «Неужели опять сарматы?» – встревожился вождь. Телохранители сомкнули ряды. Повинуясь знаку Радамасевса, десять воинов ускакали в хвост каравана, чтобы выяснить причину тревоги.

Вскоре они возвратились, шумно переговариваясь и о чем-то споря. Один из всадников сбросил перед вождем на землю связанного арканом юношу. Это был уже известный нам молодой охотник.

– Великий вождь! Мы его поймали в лесу, – объяснил дозорный с рукой на перевязи. – Он следил за караваном. Это переодетый сарматский лазутчик!

– Ты кто? – строго спросил вождь у юноши.

Тот молчал, обратив к небу закаменевшее лицо.

– Он не хочет говорить. Упрямый и сильный, как бык. Мне едва руку не оторвал, – пожаловался дозорный. – Хорошо, что не успел вытащить нож.

– Ты зачем следил за нами? – продолжал расспросы Радамасевс, дав знак воинам соблюдать тишину. – Отвечай!

Юноша, казалось, был глух.

– Поднимите его и развяжите, – приказал вождь.

---

⁶ Атей – царь, объединивший скифов в V–IV вв. до н. э. в единое государство; погиб в войне с македонским царем Филиппом II.

⁷ Меотида – Матерь Понта (греч.); Азовское море.

⁸ Гилея – современное Полесье.

⁹ Понт Евксинский – Черное море.

Пока юноша растирал затекшие руки, Радамасевс внимательно приглядывался к нему. Молод, очень молод, почти ребенок... Вздохнул, вспомнив сыновей. И уже не так строго, как прежде, снова обратился к юноше:

– Слушай меня внимательно! По одежде ты сколот, поэтому мои слова должны достигнуть твоих ушей. Если я ошибаюсь, – вождь заговорил на наречии роксолан, которое понимали почти все сарматские племена, – тогда, возможно, ты знаешь этот язык. Так вот, я Радамасевс, вождь племени Большого Орла. А теперь ответь мне – кто ты?

– Радамасевс? – юноша вздрогнул.

Оживились окружающие вождя дружинники: наконец пленник заговорил. Юноша ступил вперед и, слегка запинаясь от волнения, сказал:

– Я... сын вождя сколотов Марсагета. Мое имя Абарис.

– Ты Абарис, сын Марсагета? Моего побратима? О, превеликие боги, я не верю глазам своим! Желанней встречи трудно представить! Радости моей нет предела. Позволь обнять тебя, наследник славного рода...

С этими словами Радамасевс соскочил с коня и сжал в объятиях юношу, совсем растерявшегося от столь неожиданного поворота событий. Спешились и воины-дружинники, в основном сыновья знатных людей племени, окружили Абариса, приветствуя его. Подошел и смущенный дозорный, заарканивший юношу в лесу, и, потупясь, пробормотал слова приветствия. Воины, посмеиваясь, наблюдали эту картину; а Радамасевс, поддавшись общему радостному настроению, весело улыбнулся и сказал:

– Это один из лучших наших следопытов. Прости его, сын вождя: он ведь не знал, кто ты.

Караван остановился. Быков распрягли и угнали в степь, на пастбище. Задымили костры, забурлила вода в больших бронзовых котлах, вкусно запахло вареным мясом. Абарис привел вороного, его так и не смогли разыскать дозорные – и отдал свою добычу в котел вождя племени.

Пока варилась оленина и готовилась похлебка из бобов с луком, приправленная ароматными травами и кореньями, Радамасевс, его военачальники и Абарис беседовали в тени молодого березняка, где слуги расстелили разноцветные войлочные ковры...

Лик был обижен. Еще бы: столько стрел и дротиков принес отцу, а вместо благодарности получил подзатыльник и обещание матери как следует выпороть его, если когда-нибудь повторится подобное.

А дело было так: после боя племени с сарматами, когда караван остановился на привал в глухом урочище, Лик со своим другом, обманув бдительных дозорных и пастухов, увели из табуна двух лошадей, взнуздали их веревками, и ускакали в степь. Почти полночи они рыскали по равнине, пока не наткнулись на поле битвы, усеянное обломками стрел и копий, трупами лошадей, пробитыми щитами, изодранными в клочья кафтанами и плащами. Убитых воинов сколоты похоронили, не видно было и мертвых сармат: видимо, те, потерпев поражение, все-таки вернулись и забрали товарищей. На большее никто не отважился – сколоты старались замести следы, уйти подальше, а сарматы боялись засады; поэтому из оружия взяли только высоко ценимые акинаки, боевые топоры и доспехи. Стрел же и копий осталось великое множество, и Лик с другом насобирали этого добра столько, сколько могли увезти. Довольные этим маленьким приключением, гордые от сознания пользы своего поступка, они возвратились ранним утром домой – и получили взбучку.

Раздосадованный Лик спрятался среди тюков с овечьей шерстью и вычиненной кожей в самом дальнем конце повозки и попытался уснуть. Но пронзительный скрип огромных колес, крики пастухов, собачий лай, писк и возня младших сестер, затеявших какую-то игру, прогнали сон напрочь.

Тогда Лик достал свою самую большую драгоценность – нож, найденный на поле битвы, и принялся украшать резьбой ореховую палку – будущую рукоять нагайки. Наконечник Лик

сплел уже давно из тоненьких сыромятных ремешков, скрепив их в верхней части тремя бронзовыми колечками, которые стащил из сумки старшего брата. Работа спорилась, рукоятка получалась гладенькая, с красивым узором, и постепенно юный сорвиголова увлекся, забыв о постигших его неприятностях.

Неожиданно колеса перестали скрипеть, повозка остановилась. Мать выглянула наружу разузнать, в чем дело, и, перекинувшись несколькими словами с соседкой, соскочила на землю. За нею, шумно галдя, посыпались и младшие сестры Лика. Стряхнув стружки с колен, он тщательно запрятал нож и тоже последовал за девочками. Повозка их семьи была почти в конце каравана, поэтому Лик не мог рассмотреть, что творится впереди. Но по тому, как стали распрягать быков и доставать из повозок котлы, он понял, что наступило время привала.

Старшие братья угнали быков в степь, мать, покрикивая на детвору, вынимала из дорожных сумок котелки, ложки, мешочки с бобами и приправами, связки луковиц.

Лик медленно побрел вдоль каравана с тайной надеждой, что сверстники выразят ему свое восхищение за дерзкую вылазку. Но, увы, все были заняты приготовлениями к обеду: кто таскал хворост, кто готовил место для костра; некоторые бегали взапуски или играли в прятки.

Лик долго слонялся возле костров, заглядывая в чужие котлы и дразня собак, пока не почувствовал, как от аппетитных запахов засосало под ложечкой. Когда он возвратился к своей повозке, семья уже отобедала. Получив подзатыльник от матери за опоздание, Лик принялся вычерпывать деревянной ложкой остатки похлебки из небольшого, выдавшего виды котелка, заедая хрустящей на зубах ячменной лепешкой.

– На, возьми... – опасливо поглядывая по сторонам, прошептала одна из сестер и, ткнув Лиду баранью кость с остатками мяса, нырнула под повозку, опасаясь гнева матери: мясо предназначалось только для воинов – старших братьев и отца.

Вскоре караван двинулся дальше. Солнце переползло полуденную черту, жара стала нестерпимой. Из-за дальних лесов надвигалась большая сизая туча, которую время от времени кромсали молнии. Иссушенная зноем земля с нетерпением ожидала дождя.

Глава 3

Марсагет проснулся поздно. Горячий, влажный от испарений воздух волнами вливался в спальню вождя племени, увешанную пестрыми коврами, и, обволакивая тело, выжимал из него соленые струйки пота. Назойливо жужжали мухи, скреблись жуки-древоточцы в потолочном перекрытии, во дворе рычали и грызлись сторожевые псы. Подниматься не хотелось, тело все еще было во власти сна, только мысли, преодолев одурь, понеслись вскачь, словно стадо диких лошадей-тарпанов.

Тяжелые, смутные времена переживает степь. Все живое убегает и прячется в лесных чащобах, только стервятники собираются в огромные стаи и кружат в небе, предвкушая богатую добычу. Опасно стало и в низовьях Борисфена. Год-два назад купеческие караваны то и дело стучались в главные ворота Атейополиса. Купцы хлеб покупали, мед, воск, рыбу вяленую, кожи, меха; привозили вина заморские, оружие, украшения, посуду...

Шумело торжище с раннего утра до ночи, купцы дань вождю платили; завидовали соседи богатству Марсагета. А теперь... До чего дошло: чернь, простые сколоты, бегут из Атейополиса! Лучшие мастера уходят, спасая жизнь и добро: кто к Понту Евксинскому, кто в Таврику¹⁰, а кто – куда глаза глядят.

Вчера, поздним вечером, прискакали дружинники, которых он отправил несколько дней назад на разведку. Плохие вести привезли, ох, плохие... Сарматы рыскают уже не только в устье Танаиса¹¹, у берегов Меотиды, но перешли Сиргис¹², добрались до Борисфена.

С горечью вспомнил большой совет вождей сколотов. Только он и его побратим Радама-севс выступили за объединение всех племен степной Скифии под единым руководством, чтобы дать отпор врагам. Не послушались остальные умного совета, не смогли они убедить вождей. Разжирели, обленились вожди, наживая огромные богатства на торговле хлебом с эллинами. Распри, междоусобицы начались среди сколотов. Воровать друг у друга начали. До чего дошло: могилы предков грабят! Пусть падет на них гнев Папая¹³, пусть настигнет их на поле брани!

Не выдержав гневного напора мыслей, Марсагет вскочил и, наспех одевшись, вышел во двор. Зацепившись ногой о камень, охнул от боли и со злости пнул любимого пса – тот при виде хозяина запрыгал от радости, стараясь лизнуть ему руку. Пес, обиженно тявкнув, побрел к куче хвороста и улегся там, с тоскливой преданностью поглядывая на вождя. Не обращая внимания на лужи (ночью была гроза – сверкало и грохотало так страшно, что уснул только к утру), Марсагет широким шагом пересек двор и, толкнув ногой дверь, вошел в дом.

Большой, сложенный из привозного камня-ракушечника дом не нравился хозяину. Не было в этой каменной клетке, пусть и увешанной от глинобитного пола до оштукатуренного потолка коврами, тепла и уюта. Холодом и сыростью тянуло от массивных каменных стен в любое время года. Потому-то и приказал он построить для себя во дворе небольшой деревянный домик-спальню с очагом в одной из двух комнат. Сам место выбрал для постройки, указал, как строить, из какого дерева. А вместо очага – обыкновенной ямы, обмазанной изнутри глиной, чтобы земляные стены не осыпались, приказал соорудить печь с лежанкой, большую, с дымоходом. Видел такие печи еще в молодые годы, у эллинов-колонистов в Ольвии¹⁴. Показал слугам и рабам, как каркас из ивовых прутьев сплести, где отверстия оставить для дымоходной

---

¹⁰ Таврика – Крым.

¹¹ Танаис – река Дон.

¹² Сиргис – река Донец.

¹³ Папай – верховное божество у скифов; соответствовал греческому Зевсу.

¹⁴ Ольвия – древнегреческий город-государство на Бугском лимане.

трубы и для закладки дров, как глиной обмазать, да не простой, а с примесью мелко накрошенных степных трав. Получилась печь на славу – не дымила, дрова хорошо горели в любую погоду, даже сырые.

Марсагет, грузно ступая по плетеным из камыша циновкам, шел по дому. Две молодые рабыни в длинных платьях, подпоясанных вязаными шерстяными поясами, завидев господина, склонились в низком поклоне. Даже не взглянув на них, он прошел в одну из комнат. Это была спальня его старшей жены, Опии.

Женился Марсагет поздно. Молодость провел в ратных трудах, в седле – воинскую славу зарабатывал, чтобы быть достойным деда, соратника царя Атея. И только когда получил в свои руки священный жезл – знак верховной власти над соплеменниками, – женился на Опии, дочери вождя племени траспиев¹⁵ Садала. Четырех дочерей и сына родила ему первая жена. Абарис вырос, возмужал, хорошим охотником стал. Да и воин из него должен получиться хоть куда: стрелок отменный, акинаком владеет одинаково хорошо правой и левой рукой...

– Пусть боги будут к тебе благосклонны в этот день...

Марсагет вздрогнул от неожиданности и быстро обернулся. В двух шагах от него стояла Опия, склонив голову и скрестив в приветствии руки на груди. Она вошла в комнату, по своему обыкновению, стремительно и бесшумно.

– Да приумножит свои милости покровительница нашего очага, – сдержанно ответил Марсагет, пытливо глядя на любимую жену, главенствовавшую над всеми домочадцами и прислугой в доме вождя.

Она была взволнована, хоть и старалась не подавать виду. Ее все еще красивое и, несмотря на годы, без единой морщинки лицо было бледным, а в черных глазах застыло напряженное ожидание и тревога.

– Вижу, что день сегодня начнется с огорчений, – наконец после некоторой паузы молвил Марсагет и тяжело вздохнул: за долгие годы совместной жизни он научился понимать Опию с полувзгляда.

– Прости, я вмешиваюсь не в свои дела, но мне хотелось бы знать, куда ты отправил Абариса?

– Я... отправил Абариса? – переспросил в недоумении Марсагет. – Впервые об этом слышу.

– Его уже двое суток никто не видел в акрополе¹⁶! – сдержанность на миг оставила жену вождя.

– Может, он уехал на охоту... – нахмурился Марсагет. – Но я ведь ему запретил... Эй, кто там! – позвал вождь. – Конюшего Абариса немедленно ко мне!

Через некоторое время в комнату вошел высокий плосколицый раб и застыл в глубоком поклоне.

– Где Абарис?

– Господин отправился поохотиться на оленей.

– С охраной или один?

– Один.

– Куда он уехал?

– Господин не сказал.

– Запомни на будущее: если когда-нибудь Абарис будет уезжать один, без воинов, мчись во весь дух ко мне. И знай: от быстроты твоих ног будет зависеть продолжительность твоей жизни. Ступай!

– Слушаю и повинуюсь, великий вождь...

---

¹⁵ Траспии, траки, фракийцы – придунайские племена.

¹⁶ Акрополь – укрепленная возвышенность; за стенами акрополя находился царский дворец.

Раб вышел, а Марсагет заметался по комнате, словно раненый медведь. Затем, не глядя на испуганную Опию, выскочил во двор и почти бегом направился к загородке, где стояли лошади дежурных дружинников и один из его скакунов.

– Коня! – прохрипел на ходу. – Где мой конь, я вас спрашиваю?! Быстрее, ну!

Рабы-конюшие, завидев разгневанного господина, метнулись в разные стороны, распугав лошадей, до этого мирно жевавших охапки свежескошенной травы, разыскали его любимого буланого жеребца, вмиг оседлали и, с трудом удерживая застоявшегося красавца, подвели к вождю. Стремительно бросив не по годам крепкое тело в седло, Марсагет, безоружный и простоволосый, стрелой помчал по акрополю. В конце акрополя, у обрыва, вождь рывком осадил разгоряченного скакуна, соскочил на землю, почти бегом забрался на высокий вал.

Чарующая картина открылась перед Марсагетом. Атейополис раскинулся меж устьев двух небольших рек, впадающих в Борисфен. С трех сторон защищенный обрывистыми речными берегами, он жил обычной повседневной жизнью: дымились очаги хозяек и горных ремесленников, раздавался перестук кузнечных молотков, ржали лошади, между приземистыми деревянными хижинами резвились дети. Большое озеро, поросшее густым камышом, прикрывало почти половину южной части Атейополиса. Остальную часть защищал высокий земляной вал; у его основания серебрилась широкая полоса воды, заполнившая глубокий ров. По берегам озера раскинулись поля и огороды сколотов, темнели кучками вербы и тополя. С севера и северо-запада к Атейополису подступали дремучие леса, темно-зелеными ножнами сжимая светло-серое лезвие Борисфена.

Атейополис был древней столицей основанного царем Атеем государства сколотов. Расположенный на перекрестке торговых путей, он долго служил сколотам надежным пристанищем от набегов недружественных племен. Но постепенно, под нажимом племенных союзов сармат, сколоты теряли свои земли и уходили в Таврику, где хватало пространства, и где они находились под защитой царя Скилура¹⁷. Теперь Атейополис стали называть Старым Городом, в противовес новой столице государства сколотов в Таврике Неаполису – Новому Городу.

Акрополь находился в юго-западной части Атейополиса, на обрывистом берегу реки, примыкая одной стороной к внешнему валу. Во времена царя Атея дед Марсагета основал здесь укрепленное земляными валами поселение. Поверх вала поставили изгородь из толстенных деревянных кольев, вбитых в землю на четыре локтя¹⁸. Ненадежная это была защита при вражеских набегах: тучи зажигательных стрел сыпались на защитников, и сгорали дотла сухие колья изгороди. И дед, и отец Марсагета не раз ее чинили, новые колья ставили, да только короткой была их служба – до нового набега. После смерти отца Марсагет подсыпал валы поселения и акрополя. Стали они высотой свыше десяти локтей и толщиной у основания не менее тридцати. А вал акрополя укрепил сверху уже не кольями, а толстой стеной из кирпича-сырца. И рвы углубил, расширил; теперь, поди, в самом узком месте локтей двадцать наберется. Да только помогут ли стены и этот ров выдержать натиск сармат?

До режущей боли в глазах вглядывался Марсагет в степь, высматривая сына. Легкий ветерок катал по степи тугие ковыльные волны, в безоблачном небе тоскливо кричали чайки...

– Эй, Марсагет!

Вождь с недовольным видом обернулся на оклик. У подножия вала, положив тяжелую мускулистую руку на круп коня, стоял кривоногий коренастый воин. Его квадратное бородатое лицо с кривым носом было исполосовано шрамами, за что и прозвали его в дружине Меченым; он был побратимом Марсагета и одним из его военачальников.

– Что случилось? – спросил вождь.

– Пришел купеческий караван.

---

¹⁷ Скилур – скифский царь II в до н. э.

¹⁸ Локоть – древняя мера длины; примерно 40–50 см.

Марсагет спустился вниз.

– Откуда? – спросил он.

– Из Ольвии.

– Хорошо... Что привезли?

– Пока не знаю. Завтра торг.

– Пусть проследят, чтобы купцам ни в чем не было обиды. – Помолчал и уже тише, усталым и бесцветным голосом добавил: – Абарис... пропал.

– Как пропал? – встревожился Меченый – Абарис был его любимцем и воспитанником.

– Два дня назад уехал куда-то, наверное, на охоту, и до сих пор не возвратился.

– Один, без воинов?

– Один.

– Как же ты его отпустил? Забыл про сармат?

– Ты разве не знаешь Абариса? Разве не ты учил его быть настоящим мужчиной, воином?

Смелый и своенравный.

– Да, но...

– Не отпускал я его. Только сегодня узнал об этом.

– Куда он уехал?

– Конюший не знает, а у ночной стражи еще не спрашивал.

– С твоего позволения, вождь, возьму дружинников и поищу Абариса у Борисфена: я знаю, где его любимые охотничьи угодья. А заодно и стражу порасспрошу.

– Поезжай.

Давно затих топот коня Меченого, а Марсагет еще долго стоял, бездумно уставившись ему вслед. Затем сокрушенно покачал головой и тихо посвистел, подзывая коня.

Жеребец, щипавший скудные остатки выгоревшей травы, заржал и, подбежав на зов хозяина, ткнулся бархатистыми ноздрями в лицо. Марсагет вскочил в седло и шагом поехал обратно.

Возле коновязи бросил поводья конюшему, приказал:

– Напоить...

И медленно побрел в дом.

Слуги заждались повелителя: завтрак уже подогревали несколько раз – вождь любил все горячее. Взял из рук виночерпия серебряный ритон¹⁹ в виде бычьей головы, доверху наполненный оксюгалой²⁰, и, не отрываясь, выпил до дна. Отшвырнул его в сторону, не присаживаясь на заботливо пододвинутую кошму, взял пшеничную лепешку, пожевал. К мясу не приронулся, знаком приказал убрать. Побродил по комнатам, бесцельно тыкаясь из угла в угол.

В одной из комнат ему попался на глаза старинный акинак, дедово наследство; он висел рядом с панцирем и боевым щитом. Сам царь Атей подарил этот акинак своему побратиму, деду Марсагета, в дни боевой молодости, а тот, уходя в последний поход, оставил его сыну, отцу вождя. Вместе сражались побратимы в дальних походах, вместе пошли, не убоявшись гнева богов и жестокой казни в случае неудачи, против трех царей, правивших сколотами в те далекие времена. Тогда кровавые междоусобицы ослабляли военную мощь сколотов, и великий Атей, разгромив боевые дружины царей, объединил сколотов в одно государство, границы которого перешагнули реку Истр²¹. Вместе воевали, вместе создавали государство, вместе погибли в последнем бою с царем Македонии Филиппом.

Марсагет бережно снял со стены драгоценную реликвию и залюбовался ею, дивясь искусству мастеров. Железный обоюдоострый клинок отливал волнистой голубизной, массивная

---

¹⁹ Ритон – древний сосуд в виде рога с небольшим отверстием в нижнем узком конце.

²⁰ Оксюгала – хмельное питье из перебродившего кобыльего молока.

²¹ Истр – река Дунай.

золотая рукоять с навершием в виде двух бычьих голов светилась в полутьме; ножны из черного, крепкого, как железо, дерева украшали золотые чеканные пластины с фигурками четырехлапых крылатых чудовищ, а на выступе для крепления акинака к поясу, под рукоятью, распластался в полете золотой Священный Олень – как мысль пронзает пространство, так и акинак должен молниеносно вылетать из ножен, чтобы поразить врага...

Топот ног и крики во дворе прервали размышления вождя. Он встрепенулся в радостной надежде: «Неужели возвратился Абарис?» – и быстрым шагом направился к выходу.

И в это время дверной проем заслонила фигура дружинника.

– Что случилось?

– Великий вождь! Сборщик податей и кузнец пришли на твой милостивый суд.

«Нашли время!» – гневно вскинулся вождь, но сразу же остыл: пока будет судить-рядить, время быстрее побежит, а там, глядишь, и Абарис сыщется.

– Ступай, сейчас выйду. И скажи, чтобы галдеть перестали! Словно стадо баранов...

Воин вышел. Вождь немного постоял, прислушиваясь к воцарившейся тишине, затем хлопнул в ладони. На зов в комнату бесшумно проскользнул оруженосец и, повинувшись знаку Марсагета, начал его одевать. Когда поверх безрукавки оруженосец затянул пояс с дедовским акинаком, надел на шею массивную золотую гривну и с поклоном протянул пурпурный гиматий²², Марсагет приказал ему удалиться. Сам накинуд плащ на плечи, застегнул фибулу²³, надел бронзовый шлем. Осмотрел себя – остался доволен. Взял в правую руку знак священной власти вождя племени – небольшой бронзовый топорик – клевец в виде лошадиной головы – и, нахмутив брови, шагнул за порог.

Во дворе стояли толстый сборщик податей, старейшины племени, чуть поодаль – воины и кучка бородатых ремесленников с почерневшими от копоти лицами. Дружинники подвели к Марсагету коня в роскошной сбруе; он взобрался на него при помощи слуг. Строго посмотрев на собравшихся, вождь остановил взгляд на сборщике податей и кивнул. Тот шагнул вперед, поклонился и застыл безмолвно, подобострастно глядя снизу вверх на Марсагета.

– Говори!

– Великий вождь! Твоею милостью назначенный на свой пост, я денно и ночью с превеликим усердием исполняю твою волю, забочусь о благополучии племени. Никто не может упрекнуть меня в своекорыстии...

Вождь, краем уха прислушиваясь к витиеватой речи сборщика податей, продолжал думать об Абарисе. Желанное успокоение так и не пришло к нему. Нетерпение и беспричинное раздражение вдруг властно заполнили душу. Поморщившись от слишком затянувшегося словоблудия сборщика податей, он резко прервал его:

– Изъясняйся короче!

Тот на мгновение растерялся, забормотал что-то невразумительное. Затем, кое-как собравшись с мыслями, продолжил:

– Пришел я сегодня к кузнецу Тимну – за ним долг числится еще с того года. А он мне бирку показывает – мол, все уже уплачено. Только я-то хорошо помню, что Тимн не вносил этой дани. И знак сам поставил на бирке, думал, что я забуду.

– Это неправда, великий вождь! – вперед выступил кряжистый кузнец в старом кожаном фартуке с дырками от прожогов.

– Как ты смеешь меня называть лжецом! Ты!..

– Замолчи! – прикрикнул на взбешенного сборщика податей вождь. – Подайте мне бирку.

---

²² Гиматий – плащ из шерсти, часто украшенный вышивкой.

²³ Фибула – пряжка для крепления одежды, состоящая из иглы и скобы.

Один из старейшин вручил вождю тоненькую каменную плитку; на ней красной краской были нарисованы пять квадратов – размер взимаемой дани. И внутри этих квадратов стояли белые крестики – знак того, что дань внесена.

– Говори, Тимн.

– Великий вождь! Я не умею говорить красиво, как сборщик податей. Пусть мои руки скажут за меня. Посмотри, о вождь, на его пояс! Этот акинак я отковал и золотом чеканным украсил рукоять и ножны. А за это он мне долг простил, своей рукой крестик на бирке начертал.

– Он лжет! За акинак я расплатился, у меня есть свидетели!

Марсагет, гневно сверкнув глазами, поднял вверх бронзовый топорик. Сборщик податей умолк, склонившись перед вождем.

– Мы тебя уже слушали! – повысил голос вождь. – Теперь слово старейшин.

Седобородый жилистый старик с желтыми рысьими глазами важно поклонился вождю, разгладил бороду.

– Старейшины внимательно выслушали обе стороны, – начал он. – Мы хорошо знаем и всеми уважаемого сборщика податей и кузнеца Тимна. Не верить им мы не можем. И все же, коль речь зашла о чести и достоинстве обоих, необходимо установить истину...

Старик прокашлялся и жестким скрипучим голосом закончил речь:

– Мы считаем, что и тот и другой должны принести клятву покровительнице очага вождя племени. Законы предков священны и непоколебимы. Они гласят: за ложь Великой Табити²⁴ клятвопреступник должен умереть.

Словно легкий ветерок пробежал среди напряженно застывших воинов и ремесленников. Даже некоторые старейшины, видимо не подготовленные к такому повороту событий, зашептались, заволновались. Побледнел сборщик податей, на лице у кузнеца Тимна под туго натянутой кожей забегали желваки. Вождь внимательно посмотрел на закаменевшего Тимна, затем перевел взгляд на сборщика податей и старейшин.

«Превеликие боги! – подумал Марсагет. – Чем приходится заниматься в такие смутные времена... Когда так нужно всеобщее единение, находятяся люди, готовые из-за личной корысти глотку перегрызть ближнему. Интересно, что за счеты у сборщика податей с Тимном?»

В виновность кузнеца вождь не верил. Был Тимн искусным мастером и хорошим воином, не раз сражался бок о бок с вождем в дальних походах.

Но даже вождь был бессилён что-либо изменить в приговоре старейшин, когда они в своих действиях ссылались на древние законы и обычаи. Только в военное время вся власть принадлежала вождю племени. Да и негоже было ему противиться воле старейшин, тем самым расшатывая довольно зыбкое перемирие между ним, старейшинами и жрецами, которое установилось еще в те времена, когда они прочили в вожди его младшего брата, а он с акинаком в руках доказал несостоятельность их притязаний...

Все ждали решения вождя.

– Пусть будет так...

Повинуясь знаку седобородого старейшины, один из воинов подал ему небольшой горшочек с нарисованным белой краской на крутых лощеных боках изображением Табити. Трое старейшин в полном молчании вошли в дом и через некоторое время возвратились, держа на вытянутых руках горшочек, доверху наполненный золой и тлеющими углями.

Первым подошел к старейшинам сборщик податей и, прикоснувшись левой рукой к горшочку, слегка охрипшим голосом произнес священную клятву. За ним последовал и кузнец Тимн. Глядя прямо в глаза вождю, он повторил слова клятвы:

---

²⁴ Великая Табити – высшее женское божество у скифов, хранительница домашнего очага.

– Клянусь именем Великой Табити, что я ни в чем не виновен перед вождем и племенем, и что обвинение, предъявленное мне, – напраслина! И пусть падет на меня и моих предков до седьмого колена праведный гнев великой богини, если я осквернил свои уста ложью.

Снова выступил вперед желтоглазый старец.

– Великий вождь! Кто-то из них принес ложную клятву! И он должен умереть, иначе несчастья и беды обрушатся на тебя и твою семью. Нужно звать гадалщиков.

Вождь сумрачно кивнул...

Прибыли три гадалщика с пучками тонких ивовых прутьев, перевязанных лыком. Не говоря ни слова, среди общей тишины гадалщики начали раскладывать прутья в ряд, один к одному.

Неожиданно дробный стук копыт нарушил мрачную тишину церемонии гадания. Во двор влетел молодой воин на саврасой лошади и закричал:

– Великий вождь! Горят сторожевые огни!

Марсагет вздрогнул. Каленым железом обожгла мысль: «Абарис!» Стараясь быть спокойным, спросил у воина:

– С какой стороны?

– С северной.

«Неужели сарматы так близко, в лесах Борисфена? Когда же они успели? И сколько их? Возможно, это не главные силы, а передовой отряд...»

– Объявить общий сбор! Военачальников – к северным воротам! Все стада пригнать с пастбищ! – Марсагет отдавал приказания, облачаясь в доспехи, принесенные оруженосцем.

Ржание коней, крики, звон оружия наполнили акрополь, мгновенно превратившийся в военный лагерь. Желтоглазый старейшина подошел было к вождю, видимо намереваясь сказать, что нельзя прерывать священное гадание, но, встретив его властный и твердый взгляд, потупился и постарался спрятаться за спины своих братьев: время Марсагета наступило – перед лицом опасности необходимо беспрекословное повиновение вождю.

Марсагет ускакал вместе с дружинниками. Двор опустел. Только клубы пыли да гадалщики, торопливо собиравшие ивовые прутья в связки, напоминали о недавних событиях.

Глава 4

Возле ворот царило столпотворение: кричали охрипшими голосами пастухи, тревожно ржал лошадиный молодняк, шарахаясь от тяжелых щелчков кнута, блеяли овцы и козы, словно привидения возникавшие на короткий миг перед глазами, чтобы тут же исчезнуть в густой пыльной пелене. Перед воротами с гиканьем и свистом носились воины, отлавливая арканами жеребцов, и тут же, взнуздав их, присоединялись к дружинникам, в полном боевом снаряжении уже собравшимся у подножья вала. Несколько небольших отрядов, оторвавшись от общей массы, переправились вброд через обмелевшую речушку и рассыпались по степи.

Когда Марсагет прискакал к воротам, там уже собрались почти все военачальники племени. Они стояли на валу, пристально вглядываясь в ту сторону, где зловещими вестниками близких бед упирались в безоблачное небо дымные столбы. Вождь спешил и поднялся на вал. Военачальники не спеша, с достоинством поклонились ему. Томительно долго потянулось тревожное ожидание вестей от отрядов разведчиков. Уже пригнали последний табун и собрались все воины племени, как вдруг дымные столбы начали уменьшаться, бледнеть, а затем и вовсе исчезли.

Воины задвигались, заговорили, передавая друг другу эту новость. Марсагет переглянулся с военачальниками в невольном облегчении и снова принялся всматриваться вдаль – он ждал подтверждения, что тревога ложная. Когда в степи появлялся неизвестный отряд, дозорные обязаны были зажигать без малейшего промедления кучи хвороста, подбрасывая в огонь охапки свежескошенной травы. Дым поднимался вверх и служил знаком для других сторожевых постов, и они тут же зажигали такие же сигнальные костры. Если выяснялось, что это не враги, а чаще всего купеческие караваны лесных жителей, угрюмых и немногословных будинов, которые не любили выходить в открытую степь и пробирались сквозь лесные дебри только им известными тропами, передовой пост сообщал остальным об этом при помощи тех же костров: их зажигали и тушили через определенные промежутки времени.

Вот и теперь на горизонте начали появляться кудрявые дымные облачка, словно ожерелье из серых, быстро тающих бусинок. Марсагет хмурясь подсчитывал их количество: сигнальные костры принесли пока неожиданные и необъяснимые вести, и нужно было дожидаться возвращения разведывательных отрядов. Ясно было только одно, что это не вражеские дружины. Но почему в таком большом количестве? И кто?

Из кустарника на противоположном берегу янтарно-прозрачной речушки выехали два всадника и, замутив спокойную гладь, одним махом проскочили мелководье.

«Наконец-то» – обрадовался вождь: это были воины Меченого.

Они долго и обстоятельно что-то докладывали вождю, изредка, для большей убедительности, подтверждая слова скупыми жестами. Лицо Марсагета просветлело. Внимательно выслушав донесение, вождь сел на коня и медленным шагом направился к акрополю. Большая часть воинов разъехалась, и только самые любопытные собрались в кружок, обсуждая и смакуя на все лады подробности рассказа своих товарищей...

Вечерело. Караван Радамасевса приближался к Атейополису. Женщины и дети вылезли из душных и темных жилищ на колесах и бодро вышагивали рядом с повозками, радуясь вечерней прохладе. Впереди каравана по-прежнему ехал вождь с военачальниками, а также Абарис и присоединившийся к ним в пути Меченый. Воинов, сопровождающих караван, стало меньше – несколько отрядов отправились на разведку. Не видно было и стад, угнанных пастухами в степь, на пастбища.

Когда первые повозки приблизились к броду, солнце уже до половины спряталось за дальними лесами. Перед воротами Старого Города стояли военачальники Марсагета во главе с вождем, старейшины, чуть сзади дружинники и небольшая группа женщин – жен военачаль-

ников; среди них выделялась пурпурной накидкой Опия. В лучах заходящего солнца ярко сверкали золотые обкладки горитов, бронзовые шлемы, богато разукрашенные золотом и драгоценными камнями чеканные пояса. Переливались всеми цветами радуги многочисленные золотые бляшки, нашитые на одежды женщин, мягкими желтыми и голубовато-зелеными искрами вспыхивали ожерелья на белых, тонкого полотна платьях, серебрились на запястьях змейки браслетов.

Всадники спешили. Неторопливо и важно приблизились к ним старейшины, отвесили поясной поклон. Глава старейшин передал приглашение Марсагета: вождь племени звал побратима и соратника Радамасевса вместе с его друзьями, родственниками и военачальниками разделить с ним трапезу. Радамасевс важно кивнул в знак согласия. Тогда вперед шагнул Марсагет:

– Я приветствую тебя, вождь Радамасевс. Будь желанным гостем. Оставь на пороге моего дома горестные мысли, пусть радость и веселье вольются в тебя вместе с солнечным даром богов – вином эллинов.

– Вождь Марсагет! Я благодарю тебя за приглашение. Пусть будет между нами мир и дружба, освященная древним обычаем скотов. И пусть будет в этом свидетельницей хозяйка Гилеи Великая Апи²⁵.

– Да будет так...

К Радамасевсу подошла Опия, держа в руках золотую чашу, украшенную чеканным изображением Священного Оленя. Два молодых скота в чистых белоснежных рубахах доверху наполнили ее пенным вином. Радамасевс осторожно, стараясь не расплескать, принял из рук Опии чашу, не отрываясь, выпил до дна и с поклоном возвратил ее обратно. Повинуясь его знаку, воины положили у ног Опии большой сверток. В торжественном молчании один из воинов развернул его, и взору собравшихся предстали богатые дары гостей: золотые и серебряные кубки, украшения и меха, красивые расписные килики²⁶, кусок пурпурной ткани, акинак в богато украшенных ножнах и несколько длинных сарматских мечей – боевая добыча вождя Радамасевса.

Тем временем Марсагет подошел к Радамасевсу, и они крепко обнялись. И тут же гости и хозяева смешались в шумную толпу: соратники приветствовали друг друга, вспоминая совместные походы и сражения, обменивались новостями. Затем все направились к акрополю, где вождя и военачальников ожидала баня и обильный ужин. Остальные расположились на свободном пространстве возле валов и, раскинув войлочные подстилки прямо на голой земле, принялись пировать, щедро запивая огромные куски телятины охлажденной оксюгалой...

Раздевшись донага и прихватив небольшой холщовый мешочек с конопляным семенем, Радамасевс нырнул вслед за Марсагетом под полог большой войлочной юрты, где уже копошились скользкие от пота военачальники, громко ухая и вскрикивая от удовольствия. Посредине лежали раскаленные камни; на них время от времени бросали семена конопли. Густой белый дым наполнял юрту сладковато-пряным запахом и, проникая в легкие, вызывал головокружение, часто переходящее в приступы безудержного смеха. Вскоре и вожди, опьяненные коноплей, присоединились к общему веселью милой их сердцу скототской бани.

После бани, когда рабы насухо протерли их тела чистой холстиной и, уже по эллинскому обычаю, сделали массаж и умастили оливковым маслом, переодевшись в чистые одежды, они уселись пировать. На невысоком помосте громоздилась всевозможная снедь: жареная птица в больших деревянных блюдах, вареная телятина, оленина, зайчатина, жирные антакеи²⁷, иппака²⁸, пшеничные лепешки, ячменные хлебцы; в огромных глиняных горшках пени-

---

²⁵ Апи – одна из главных богинь скифского пантеона, жена Папая.

²⁶ Килик – сосуд для питья из обожженной глины; плоская чаша на ножке с двумя горизонтальными ручками.

²⁷ Антакея – белуга.

лась оксюгала, янтарным блеском отсвечивал в широкогорлых сосудах душистый мед. Шумное пиршество при свете костров продолжалось далеко за полночь. Многие так и не добрались до приготовленных им постелей – уснули около костров, завернувшись в плащ или кошму...

Лик проснулся вместе с первыми солнечными лучами. Поеживаясь от утренней прохлады, он вскочил на ноги и осмотрелся. Его домочадцы лежали вповалку под повозкой, досматривая утренние сны. А вокруг раскинулся лагерь соплеменников. Только очень немногие сняли с повозок и установили юрты; остальные расположились под открытым небом на охапках соломы, войлочных подстилках, а кто и просто на земле, подложив под голову кафтан. Около повозок ссорились и грызлись собаки. Среди своры Лик заметил и своего любимца, огромного черного пса по кличке Молчан.

Молчаном его прозвал Лик за угрюмый нрав. Пса подарил ему заезжий купец еще щенком. Лик души не чаял в щенке, возился с ним денно и ночью, поил свежим кобыльим молоком. Когда Молчан подрос, Лик стал с ним охотиться. Вот тут-то и проявились незаурядные способности молчаливого и угрюмого пса – не было случая, чтобы Лик возвратился без добычи. Стремительный и быстрый, Молчан легко настигал среди высокой травы зайцев, мог бесшумно подобраться к серой куропатке или выводку дрофы.

Лик окликнул пса, и Молчан, лениво огрызнувшись на своих разгоряченных сородичей, потихоньку затрусил рядом с хозяином.

Дзинь-бом, дзинь-бом, дзинь-бом... Лик подскочил на месте от неожиданности и завертел головой, пытаясь определить, откуда доносятся эти странные, мелодичные звуки.

– Испугался? Ха-ха-ха! – маленькая девчушка с копной спутанных волос выглядывала из-за невысокого плетня.

– Я? Пхе... – скорчив презрительную мину, Лик отвернулся.

– А вот и испугался, а вот и испугался! – гримасничала девчушка.

– Сейчас как дам! – разозлился Лик, сжимая кулаки.

– А вот и не дашь, а вот и не дашь! – дразнила она рассерженного Лика.

– Что тут стряслось? – к плетню подошла невысокая худощавая женщина с грустным усталым лицом. – Уймись ты, стрекоза! – и, завидев Лика, сразу же определила, кто он. – Так-то ты, Ававос, гостей привечаешь. Заходи к нам, заходи, мальчик, не бойся.

Лик сначала было заупрямился, но любопытство взяло верх, и он вошел во двор, где на небольшом клочке земли теснились деревянная мазанка, две землянки и навес, крытый камышом. Рядом с навесом стоял глинобитный горн; его усердно раздувал кожаными мехами парнишка чуть старше Лика. А под навесом два кузнеца били молотами по железной наковальне, на которой ярко светилась длинная узкая полоса заготовки.

Лик подошел поближе. В это время кузнецы согнули полоску пополам по длине и снова принялись ковать. Зачарованный Лик смотрел, не отрываясь, как на его глазах рождался верный боевой друг скелота – акинак. Вот старший из кузнецов наискосок отрубил зубилом два кусочка металла, прошелся маленьким молоточком по краю, и острое жало запело под его ударами. Вот он стукнул несколько раз по шерботому огрызку в верхней части акинака, и он превратился в тонкую пластину; на нее крепилась рукоять. Еще несколько точных легких ударов маленьким молотком – и акинак откликнулся чистым звонким голосом.

– Уф! – старший кузнец устало смахнул обильный пот с лица, положил молот на наковальню и подошел к Лику. – Ну, давай знакомиться, отрок. Меня зовут Тимн.

– А меня Лик... – смутившись, почти шепотом ответил тот.

– Ну-ну, – добродушно потрепал по щеке Лика железной ладонью кузнец. – Не робей. Нравится? – спросил он, показав в сторону наковальни.

– Да, очень! – вырвалось у Лика.

---

²⁸ Иппака – сыр из кобыльего молока.

– Взял бы тебя в ученики... – кузнец нахмурился, видимо вспомнив что-то неприятное, и с горестным вздохом махнул рукой. – Да, похоже, не придется... Жена, не пора ли нам завтракать?

– Сейчас соберу.

– Ну а мы пока заготовки в печь загрузим. Время есть...

С этими словами кузнец кивнул напарнику, нескладному низкорослому человеку со смуглым скуластым лицом. Тот нырнул в землянку, вынес большой глиняный горшок, поставил его у горна и начал сыпать в горшок древесный уголь и закладывать вперемешку с углем железные поковки. Затем добавил несколько кожаных обрезков, бросил бараньи рога и пять или шесть телячьих копыт. Когда горшок наполнился доверху, он прикрыл его крышкой и тщательно обмазал края глиной. Надев кожаные рукавицы, кузнецы, поднатужившись, приподняли горшок, сунули его в жаркое нутро печи и закрыли заслонкой.

– Ну-ка поддай! – прикрикнул Тимн на парнишку, в это время с наслаждением принюхивавшегося к аппетитным запахам.

– Вот и все... – Тимн снял кожаный фартук, подошел к большому деревянному корыту с водой, ополоснул руки и лицо.

Вытираясь куском старой холстины, спросил у жены:

– Где Майосара?

– Сейчас выйдет, заканчивает шить рубаху.

– Поторопи ее... Ну, Лик, дорогой гость, садись. Позавтракаем. Садись, садись, чем богаты, тем и рады.

Отворилась дверь хижины, и во двор вышла стройная, красивая девушка в белом, расшитом красными нитками полотняном платье.

– Ну наконец... Вечно ты опаздываешь... – заворчал Тимн.

Но ворчал он больше по привычке, для порядка: его живые темно-серые глаза с любовью смотрели на дочь, которая принялась помогать матери.

Заедая просяной лепешкой, Лик вместе с гостеприимными хозяевами черпал деревянной ложкой из большой глиняной миски кобылье молоко. А под конец завтрака хозяйка с торжественным видом поставила перед едоками редкое в семье ремесленника лакомство – иппаку, сдобренную пчелиным медом.

Начинался новый день. Что принесет он этим людям? Ведь тяжба Тимна со сборщиком податей была отложена, и кто знает, какое решение вынесут гадальщики...

Глава 5

Военный совет, собранный Марсагетом после завтрака, проходил бурно. Особенно много споров вызвало предложение Меченого объединиться с племенем Радамасевса и дать его людям земельные наделы и место для постройки жилищ внутри Атейополиса.

– ...Мы не сможем прокормить наших гостей, – глава старейшин посмотрел на единомышленников, как бы ища поддержки; те дружно закивали. – И кто может поручиться, что среди племен не пойдут раздоры?

– Что ты предлагаешь? – не поднимая на него глаз, спросил вождь.

– Ничего, – попытался схитрить старик, уклонившись от ответа. – Я просто высказал свое мнение, пусть теперь говорят другие.

– Значит, выгнать их за ворота?

– Почему выгнать? – вопрос вождя застал старейшину врасплох.

– Нет, вовсе нет... – смутился он и умолк, потупившись.

– Тогда как нужно поступить? – Марсагет поднял тяжелый взгляд на седобородого старца.

Тот некоторое время собирался с мыслями, затем нерешительно сказал:

– Дать им... кгм... часть наших запасов и пусть идут в Таврику... к царю Скилуру.

– Умно придумано, ничего не скажешь! – подхватился Меченый. – А то, что и нам грозит участь племени Радамасевса, тебе известно? Разве непонятно, что вместе мы вдвое сильнее и сможем достойно встретить врага? – и добавил уже спокойнее: – Потеряв скальп, по волосам не плачут. Как бы нам не пришлось вместо доходов считать расходы... на поминальные тризны.

Марсагет в душе соглашался с Меченым. Но нехорошие предчувствия, одолевающие его уже не один день, вынуждали вождя проявлять несвойственную ему нерешительность.

– Ты все сказал? – спросил он у Меченого.

– Да, все, – твердо ответил тот и добавил: – Я предлагаю послать за Тереем и выслушать его мнение.

Среди собравшихся послышались одобрительные возгласы: Терей, соратник отца Марсагета, был одним из самых почитаемых старейшин. Теперь он в делах племени почти не принимал участия из-за полной немощи.

– Согласен, – сказал вождь и, позвав слуг, отдал им соответствующие распоряжения.

Вскоре телохранители вождя внесли на руках старого Терее и бережно усадили его на медвежью шкуру по правую руку Марсагета; старейшины и военачальники стоя приветствовали всеми уважаемого старца. Несмотря на весьма преклонный возраст и тяжелую болезнь, приковавшую его к постели, Терей все еще отличался ясным умом.

После того как ему рассказали о предложении Меченого, он, слегка прикрыв глаза, ненадолго задумался. Затем стал говорить:

– Когда царь персов Дарий пришел в наши степи с несметным войском, чтобы поработить сколотов, цари племен Иданфирс, Таксакис и Скопасис собрались на военный совет. И решили они объединиться со своими соседями, чтобы дать отпор завоевателям. И послали они гонцов к сопредельным племенам с просьбой о помощи. Но только савроматы, будины и гелоны откликнулись на этот призыв. Вожди же меланхленов, андрофагов, невров и агафирсов ответили так: «Если бы вы прежде не наносили обид персам и не начали войну с ними, тогда бы мы сочли вашу просьбу правильной и охотно помогли бы. Однако вы без нашей помощи вторглись в землю персов и владели ею, пока боги допускали это. Теперь эти боги на их стороне, и персы хотят отплатить вам тем же. Мы же и тогда ничем не обидели этих людей, и теперь первыми вовсе не будем враждовать. Если персы вступят в нашу страну и нападут на нас, то мы не допустим этого. Но пока мы этого не видим, то останемся в нашей стране. Нам кажется, что персы пришли не против нас, а против своих обидчиков...»

Терей умолк, как бы прислушиваясь к благоговейной тишине, воцарившейся среди собравшихся на военный совет, – воспоминание о героическом прошлом глубоко взволновало всех, затронуло самое сокровенное в душе каждого. Убедившись, что его слова произвели надлежащее воздействие, Терей продолжил:

– Но вожди этих племен забыли, что во времена всеобщего бедствия не должно быть места сведению старых счетов, своекорыстию и трусости! Пять пальцев на руках по отдельности сломить не трудно, но когда они сжаты в кулак!.. И наши предки одолели до сих пор непобедимого Дария, покрыв свои имена неувядаемой славой! Гордый царь персов с трудом унес ноги, дрогнув перед воинской мудростью сколотов, перед их бесстрашием, перед их свободолюбием. А трусливые, как зайцы, меланхлены, агафирсы, андрофаги и невры в страхе перед персами и сколотами, которых они предали в трудный час, бежали в северные пустыни, потеряв при этом уважение потомков, богатства и земли предков. Кто теперь помнит вождей этих племен, запятнавших свои имена предательством и трусостью? Зато имена царей Иданфирса, Таксакиса и Скопасиса вечно будут жить в памяти сколотов. Вечно!

При этих словах словно грянул гром – участники военного совета вскочили на ноги и единодушно прокричали военный клич. Терей, возбужденный и, казалось, помолодевший на добрых два десятка лет, ясным горящим взглядом проникал в души собравшихся на военный совет, зажигая там присущие каждому сколоту чувства гордого достоинства и бесстрашия перед лицом смертельной опасности. Подождав, пока уляжется первый порыв воодушевления, вызванный его словами, Терей поднял руку, требуя тишины.

– А теперь ответьте мне, о сколоты, можем ли мы не протянуть руки помощи нашим братьям?

– Нет! – как один вздох.

– Спасибо... Вы достойны славного имени своих дедов. И боги будут милостивы к вам... – с тихой радостью сказал Терей, поклонившись совету.

В это время в помещение, где заседал военный совет племени, вошел один из телохранителей Марсагета:

– Великий вождь! Брат вождя Радамасевса военачальник Аттамос просит выслушать его.

– Проси...

Вошел Аттамос с двумя старейшинами своего племени. В руках он держал знак верховной власти Радамасевса – бронзовый топорик в виде головы орла.

– Великий вождь Марсагет! Военачальники и старейшины племени! Лучшие из лучших, достойнейшие из достойных! – торжественно начал Аттамос. – В дни великих бед, обрушившихся на сколотов – а мы их испытали на себе в полной мере, – обращаемся к вам за помощью. По поручению вождя племени Радамасевса позволь мне, великий вождь, передать тебе этот священный знак власти.

Склонившись перед Марсагетом, Аттамос положил у его ног бронзовый топорик.

– Твой побратим, великий вождь, просит оказать ему великую милость – принять в боевую дружину простым воином. – Согласно обычаям предков, Радамасевс сел на шкуру быка.

Все встали. Марсагет в полном молчании поднял бронзовый топорик и во главе приближенных вышел наружу. Около стен акрополя в боевом облачении толпились воины Радамасевса. Сам вождь, без шапки, в одежде простого дружинника, сидел, заложив руки за спину, на шкуре заколотого им быка. Возле него стояло несколько больших деревянных блюд с вареным бычьим мясом. По древнему обычаю тот, кто становился ногой на шкуру и брал кусок мяса, должен был идти в поход вместе с обиженным, чтобы отомстить его недругам.

Марсагет медленно приблизился к Радамасевсу, решительно встал обеими ногами на бычью шкуру и взял кусок мяса. Его примеру последовали военачальники племени и старейшины. Громкие крики воинов взметнулись над акрополем, отразившись эхом от стен. Марсагет помог Радамасевсу подняться и в наступившей тишине сказал, обращаясь к побратиму:

– Великий вождь Радамасевс! Годы посеребрили наши волосы, годы оставили на наших телах шрамы, полученные в боях, когда мы сражались плечом к плечу. В чаше с вином и нашей кровью мы осветили свое боевое оружие. И негоже тебе, вождь, быть простым воином в моей дружине, потому что мы с тобой – одно целое. Прими обратно свой священный жезл, и пусть между нами будет равноправие, дружба и согласие. И в этом я клянусь Священной Табити!

– Великий вождь Марсагет! – взволнованный Радамасевс крепко сжал рукоять бронзового топорика и поднял его над головой. – Я принимаю твою помощь и дружбу и в этом клянусь именем хранительницы священного очага!

Вожди обнялись; военный клич сколотов, вырвавшись из сотен глоток, вихрем пронесся по акрополю, выплеснулся за его стены, а затем и за валы Старого Города, усиленный многократно голосами простолюдинов, собравшихся у входа в акрополь и с нетерпением ожидавших вестей из военного совета.

Когда улеглись страсти, вызванные решением Марсагета объединиться для совместной борьбы против сармат, попросил слова Аттамос:

– Вождь Радамасевс в этот торжественный и радостный для нас час хочет принести жертву Великой Табити. Он приглашает всех принять участие в священном обряде жертвоприношения...

Огромная толпа окружала небольшую, чисто выметенную площадь у акрополя. Когда Лик, усиленно орудуя локтями, пробрался в первые ряды, приготовления к жертвоприношению уже были завершены. Несколько огромных котлов, тщательно очищенных от копоти, стояли наготове в центре площади; здесь же с тревожным мычанием сгрудились приготовленные в жертву Табити быки со связанными передними и задними ногами. Их было около двух десятков – отборных, с лоснящейся, без единого пятнышка, серой шерстью.

Главный жрец племени Большого Орла, подождав, пока подойдут вожди и их приближенные, дал знак своим помощникам, одетым в длинные черные плащи, и в наступившей тишине раздался предсмертный хрип животных – их давили при помощи петли и костей. Затем разожгли под котлами костры, куда начали подбрасывать вместо дров кости убитых животных.

Мясо варилось долго. Проголодавшийся Лик подобрался почти вплотную к кострам и с вождедением вдыхал аромат мясного варева. Около него был и невесть как пробравшийся сюда Молчан, не менее голодный, чем его хозяин, но более сдержанный: он даже не смотрел в сторону котлов, только изредка судорожный зевок и обильная слюна выдавали его вполне понятные желания.

Наконец наступил долгожданный момент: главный жрец вынул из котла кусок вареного мяса, печень и сердце быка, порезал на мелкие кусочки длинным и острым кремневым ножом с костяной рукояткой, украшенной золотой насечкой, и, повернувшись лицом к восходу, принялся разбрасывать жертвенное мясо перед собой.

– О Великая и Священная Табити! Тебе, мать и хранительница наших очагов, приносит эту жертву вождь Радамасевс! – выкрикивал главный жрец слова посвящения. – Будь милостива к своим детям, о Табити! Как твой огонь превращает в пепел все живое, так пусть и наши враги превратятся в тлен с твоей помощью, о мудрая наша покровительница!

После этого начался пир. Помощники главного жреца резали жертвенное мясо на куски и оделяли всех присутствующих, не забывая при этом время от времени доливать из бурдюков в довольно вместительные глиняные горшки оксюгалу, откуда сколоты черпали ее, кто чем мог: чашами, мисками, шлемами...

Лик, в суматохе ухитрившийся получить два довольно приличных куска мяса и которому по возрасту было не положено хмельное питье, примостился у подножья вала на куче речных окатышей, предназначенных для пращей на случай осады, и с интересом наблюдал за торжищем, устроенным купцами из Ольвии. Их повозки образовали большой полукруг; внутри

него были разложены на камышовых матах для всеобщего обозрения товары, приготовленные для продажи.

Несколько огромных пифосов, предназначенных для хранения зерна, возглавляли посудный ряд. Здесь же были и амфоры²⁹, доверху заполненные вином и оливковым маслом с плотно притертыми пробками, залитыми смолой. Рядом с ними сверкали лакировкой расписанные черной и красной краской килики, кратеры³⁰, рыбные керамические блюда и несколько курильниц, украшенных барельефами.

Кузнечный ряд радовал слух металлическим звоном разнообразных изделий из железа и бронзы, изготовленных мастерами Ольвии, Херсонеса, Пантикапея. Высились, красуясь начищенной до нестерпимого блеска бронзой, литые и клепаные котлы, сверкали лезвия серпов и мотыг, черными кучками лежали длинные железные гвозди, напильники, молотки самых разнообразных размеров, топоры, пилы, долота, сверла, скребки, проколки, иглы, вязальные крючки, ножи.

Модницы, затаив дыхание от восторга, не могли оторвать глаз от всевозможных украшений из золота и драгоценных камней, разложенных на кошме. Там были бусы из кусочков янтаря, полированного агата и сердолика; височные подвески с тонко прочеканенными изображениями чужеземных богинь и каких-то неведомых зверей; красивые узорчатые серьги; золотые гребни и костяные с золотой насечкой; кольца и перстни, браслеты и пояса, украшенные чеканным золотом; массивные золотые гривны, серебряные и позолоченные кубки и чаши; кучи миниатюрных бляшек из тонкого золотого листа с изображениями Священного Оленя и Священной Пантеры, предназначенных для украшения одежды, бронзовые зеркала... Все это великолепие обрушилось на непривычных к таким зрелищам сколотских женщин, оглушив их и лишив способности к разумному восприятию окружающего.

Не меньший, если не больший восторг можно было прочесть на обветренных бородастых лицах бывалых воинов, плотной стеной окруживших образцы оружия. Переливающиеся холодными искрами обоюдоострые акинаки лежали рядом с ножами на самый взыскательный вкус – от недорогих кожаных, украшенных бронзовыми пластинами, до изготовленных из ценных пород дерева с золотой чеканной обивкой. Боевые топоры на резных деревянных топорищах соседствовали с круглыми и овальными щитами из толстой бычьей кожи с приклепанными железными и бронзовыми пластинами. Из горитов выглядывали тугие луки; здесь же лежали наконечники стрел, дротиков и копий, бронзовые и железные шлемы, греческие кнемиды³¹, покрытые позолотой, конские налобники и другие предметы лошадиной сбруи. Были здесь и кольчуги, и широкие, окованные металлическими пластинами боевые пояса, защищавшие в бою живот воина, и даже небольшие точильные камни в железных и бронзовых оправках – неизменная принадлежность любого сколота-дружинника.

Внимание Лика привлекла маленькая группа людей во главе со сборщиком податей – важно вышагивая на коротких, толстых ногах, тот неторопливо приближался к торжищу. Встречные при виде сборщика податей торопились отвернуть в сторону, с поклоном освобождая ему дорогу. Он с невозмутимым видом принимал эти знаки внимания, но иногда его лицо кривилось от сдерживаемой ярости, он ругался сквозь зубы и шнырял помутневшими от злости глазами по толпе, как будто старался отыскать в людском водовороте причину своего отнюдь не безоблачного настроения.

Навстречу ему поспешил высокий рыжебородый купец и, склонившись с подобострастной улыбкой, что-то заворковал вполголоса. Сборщик податей одобритительно кивнул в ответ и,

---

²⁹ Амфора – высокий сосуд с двумя вертикальными ручками и узким горлом.

³⁰ Кратер – сосуд для смешивания вина с водой.

³¹ Кнемиды – поножи.

сопровожаемый свитой, направился к небольшой походной юрте купца. Оставив сопровождающих у входа, он зашел внутрь; за ним поспешил и купец.

– Вина! – потребовал сборщик податей, грузно усаживаясь на туго перевязанный тюк с тканями.

– Эй, слуги! – крикнул купец и хлопнул в ладони.

Вбежал раб, выслушал приказание хозяина, вышел и вскоре принес небольшую амфору. Проворно откупорил ее, налил вино в кратер и уже хотел добавить туда воды, но его остановил купец.

– Пошел прочь! – прикрикнул он на раба, заметив недовольную гримасу гостя.

Сам до краев наполнил позолоченный кубок вином и с поклоном протянул сборщику податей. Себе же налил из кратера, предварительно разбавив вино холодной ключевой водой. Сборщик податей одним махом опрокинул довольно вместительный кубок в рот и, крикнув от удовольствия, вытер губы полой плаща. Купец, внимательно наблюдавший за ним, презрительно ухмыльнулся, но тут же спрятал улыбку в рыжей бороде и неторопливо отхлебнул из своей чаши.

– Хорошее вино, Афней, – промолвил сборщик податей и подвинул чашу к купцу; тот снова ее наполнил.

– Для тебя старался, о мудрый, – нараспев ответил купец и добавил: – Это лучшее вино у эллинов, делосское. Большие деньги за него платил.

– Ну-ну, не приbedняйся, – коротко хохотнул сборщик податей. – А вина пили мы и получше этого.

– Клянусь Зевсом, это лучшее вино! – загорячился купец.

– Успокойся, Афней, вино и впрямь отличное, – примирительно сказал сборщик податей. – Надеюсь, у тебя найдется амфора и для меня?

– Как же, как же, конечно! – заторопился Афней. – Я привез тебе подарки. Смотри!

И он развернул перед сборщиком податей объемный тюк. Тот жадно посмотрел на богатые дары и, стараясь скрыть свое восхищение, милостиво кивнул.

– И две амфоры вина, – испытующе поглядывая на него, сказал Афней.

– Прекрасно, – повеселел сборщик податей и, выпив очередную порцию, сказал: – А теперь давай поговорим о пошлине.

– А что говорить? Мне кажется, все давно известно... – ответил купец, насторожившись.

– Э-э, нет, Афней. Другие нынче времена. И цены на наши товары у вас возросли. Мы это знаем.

– Так сколько же ты хочешь?

– С амфоры вина – один диобол³², с амфоры оливкового масла – обол³³, за медимн³⁴ пчелиного меда – тетробол...³⁵

– Это же грабеж! – простонал купец, хватаясь за голову.

– И въездная пошлина пятьдесят драхм³⁶, – безжалостно отчеканил сборщик податей. – Остальное скажут тебе мои помощники.

– А пшеница?

– Пшеницы ты не получишь – таков приказ вождя. Только мед, меха, кожи, воск, соленую рыбу и шерсть.

---

³² Диобол – серебряная монета весом 2,7 г.

³³ Обол – серебряная, а впоследствии медная монета в Древней Греции (1/6 драхмы).

³⁴ Медимн – мера емкости, 52,5 л.

³⁵ Тетробол – название греческой монеты в четыре обولا, вес – 2,9 г.

³⁶ Драхма – греческая весовая и денежная единица различного достоинства; масса афинской драхмы составляла 4,36 г.

– Ты меня разоряешь! – завопил купец. – Что я привезу в Ольвию? Меня там засмеют! Мне нужен хлеб! Зря я, что ли, тащился сюда в ваши богами забытые места? Чем я буду платить своей охране?

– Меня это не касается, – сухо ответил сборщик податей и поднялся. – Повторяю – так решил Марсагет. Если хочешь, спроси у него. Я только выполняю свой долг.

– Ладно. Спрошу, – неожиданно спокойно ответил купец и, понизив голос почти до шепота, сказал: – Мне нужно с тобой поговорить. Только не сейчас и не здесь – к кошме тоже уши пришиты...

– О чем поговорить? – вытаращился на него сборщик податей.

– Тебе привет от царя Гатала, – склонившись к его уху, еле слышно прошептал Афней.

Сборщик податей отшатнулся от него с такой быстротой, словно ему сунули под нос змею; побледневшее лицо толстяка вмиг покрылось испариной.

– Успокойся! – с силой сжал его локоть Афней. – Узнаешь? – показал золотое кольцо-печатку в виде египетского жука-скарабея.

Потерявший дар речи сборщик податей только промычал в ответ нечто невразумительное...

Глава 6

– Мама, я уверен – Тимн не виновен! – Абарис, сжав кулаки, метался по опочивальне Опии.

– Почему ты так думаешь? – спросила Опия и приказала удалиться служанке-рабыне, приготовившей ей кашу с приятным запахом – маску для лица из растертых на камнях кусочков кипариса, кедра и ладана, замешанных в теплой воде. – И почему это тебя так волнует?

– Тимн – честный человек... – покраснел, смутившись, Абарис.

– Ну-ну, ты мне мог бы рассказать все начистоту, – улыбнулась Опия, потрепав густые волосы сына. – А то все какие-то недомолвки.

– Ладно, скажу! – решил Абарис. – Мама, я... я очень люблю дочь кузнеца Майосару.

– Вот оно что... – протянула жена вождя, хмурясь. – И с каких это пор?

– Не помню... Давно...

– Так. Значит, ты, сын вождя и сам будущий предводитель племени, хочешь взять в жены простолодинку?

– Мама! Я ее люблю!

– Ты хочешь, чтобы я согласилась тебе помочь? А как на это посмотрит отец? У него, насколько я знаю, другие намерения.

– Я уговорю отца! Я брошусь к его ногам, и он не откажет. Лишь бы ты была согласна. Отец тебя послушает.

– А она красивая? – с чисто женским любопытством спросила Опия, бросив взгляд на свое отражение в большом бронзовом зеркале.

– Очень! – воскликнул Абарис и добавил – уже тише: – Такая, как ты, мама.

– Ну уж, такая... – улыбнулась Опия и погрозила ему пальцем. – Знаю я вас, мужчин, все вы хитрецы и обманщики. Сегодня нравится, а завтра, смотришь, другая приглянулась.

– Мама, клянусь!..

– Не нужно! – властно перебила Опия сына. – Зря клятвами не разбрасывайся. Клятва, как стрела искусного стрелка, должна разить наповал. А то улетит, не воротишь. И покроешь свое имя позором бесчестья.

– Но что же мне делать?

– Не знаю, сын, не знаю. И поверь, в этом деле трудно придумать что-либо. Вся надежда на гадалщиков, ты же знаешь законы предков.

– Это все подстроил сборщик податей! Я уверен, что он и гадалщиков подкупил.

– Не говори так о гадалщиках! Не гневи богов! – нахмурилась Опия. – Да и зачем ему все это?

– Я знаю зачем. Он хотел взять Майосару в жены, но получил отказ. Вот и решил отомстить. Если гадалщики признают кузнеца виновным, все его имущество, в том числе и Майосару, получат они. Потом ее выкупит сборщик податей. Вот и вся разгадка – не жена, так наложница.

– Это уже ближе к истине. Но, опять-таки, вся надежда на праведный суд. И никто не может предугадать волю богов. Думаю, что и гадалщики не осмелятся противиться знамению свыше.

– А если все-таки попросить отца...

– Нет! – воскликнула Опия. – Разве ты забыл, что вождю не подвластны силы небесные? И что он не смеет переступить законы предков, даже если это касается его жизни? Воля богов священна, и ей должны подчиняться все скоты, независимо от их положения. Кто нарушит

священные обычаи предков, того ждет страшная смерть! Вспомни, как закончили свою жизнь вероотступники – цари Скил³⁷ и Анахарсис³⁸.

– Прости, мама... – Абарис, мрачный и безутешный в своем горе, поклонился Опии и направился к выходу.

– Постой! – окликнула она сына. – Я поговорю с отцом...

– Спасибо, мама! – Абарис бросился к Опии и принялся целовать ей руки.

– Иди, иди... – ласково улыбаясь, подтолкнула Опия сына к выходу. – И ожидай...

Марсагет еще не спал. Когда Опия вошла в спальню вождя, он давал последние наставления начальнику ночной стражи:

– ...Поставишь дополнительное охранение на валах и усилишь сторожевой пост у главных ворот. И пусть твои люди понаблюдают за купеческим караваном – только осторожно! – уж больно эти купцы любопытны, как мне донесли. Не в меру любопытны.

– Слушаюсь и повинуюсь, вождь.

– Отправляйся, – кивнул ему Марсагет и, завидев Опию, спросил: – Что случилось?

– Ничего, – ответила жена вождю, провожая глазами начальника стражи. – Нужно поговорить.

– На ночь глядя? – с неожиданным раздражением спросил вождь, будучи во власти мрачного настроения. – Может, отложим до утра?

– Нет, – присаживаясь рядом с ним, твердо ответила Опия.

Вождь хмуро хмыкнул. Опия нежно погладила его, словно маленького, по седеющим волосам и прильнула головой к широкой мускулистой груди.

– Ну что там у тебя? – уже с ласковой ноткой в голосе спросил Марсагет, обняв ее за плечи.

– У Абариса горе... – почти шепотом ответила Опия, тяжело вздохнув.

– Что? Какое горе? – встревожился вождь, отстраняя жену.

Опия передала ему свой разговор с сыном. На удивление, вождь отнесся к ее рассказу довольно спокойно.

– Вон оно что... – Марсагет задумался.

Некоторое время он молчал; затем, решительно пристукнув ладонью по колену, сказал:

– О женитьбе Абариса пока рано говорить. Молод еще. А вот сборщик податей... Мне лучший кузнец племени во сто крат дороже этого вора и клятвопреступника – в этом я уже не сомневаюсь. Ты иди, не волнуйся, я приму меры для спасения Тимна. Так и передай сыну. В военное время слово вождя кое-что значит...

Ночь опрокинула на хижины огромное звездное небо. Рогатый месяц украдкой выглядывал из-за горизонта, как бы не решаясь возглавить хоровод ярких звезд, до которых, казалось, можно было дотронуться рукой. Тишину, вместе с росой опустившуюся на землю, изредка тревожил собачий лай и приглушенные окрики дозорных на валах.

Абарису не спалось. После разговора с матерью он отправился в свою спальню, даже прилег на кошму, но тревожные мысли взбурлили кровь, заставили учащенно биться сердце, напрочь прогнали сон.

Тогда он поднялся, прицепил к поясу акинак, вышел из акрополя и медленно побрел по пыльным переулкам Атейополиса.

В это же время высокий человек, с наброшенным на плечи длинным черным плащом с меховой оторочкой, вышел за пределы торжища. Кто-то из воинов купеческой стражи заметил его и грозно окликнул, для большей убедительности и острастки вытащив меч из ножен.

---

³⁷ Скил – царь скифов в V в. до н. э.; был казнен за измену скифским обычаям.

³⁸ Анахарсис – сын скифского царя Гнура; был убит за то, что пытался служить Матери Богов по эллинскому обычаю.

Но человек, не издав ни звука, сделал два раза отмашку рукой, и страж успокоился; проворчав что-то себе под нос, он снова устроился под повозкой на охапке соломы.

Человек в плаще внимательно осмотрелся по сторонам. Не заметив ничего подозрительного, он коротко и тихо свистнул. Из темноты к нему подбежал огромный поджарый пес с длинными ушами торчком и острой мордой; умильно виляя коротким, словно обрубленным хвостом, он стал ластиться к человеку, хватая зубами за плащ. Но тот явно не разделял игривого настроения пса – грубо оттолкнув его, он неподвижно застыл, настороженно глядя в сторону акрополя...

Абарис, задумавшись, не заметил, как очутился недалеко от повозок купеческого каравана, охраняемого сторожевыми псами и наемной стражей, состоящей из меотов³⁹. Тихий говор привлек его внимание. Абарису в этот вечер хотелось побыть наедине со своими мыслями, поэтому он решил избежать встречи – юноша тенью скользнул в невысокий кустарник возле торжища и пригнулся. Два человека, закутанные в длинные плащи, неторопливо беседуя, направлялись в его сторону. Абарис хотел было уже свернуть в один из проулков, как вдруг несколько услышанных фраз из разговора неизвестных заставили его насторожиться. Затаив дыхание, он распластался на земле.

Разговор шел на дикой эллино-сколотской смеси, бытовавший у степных племен, торгующих с колонистами.

– ...Все будет оплачено сполна... Не волнуйся...

– Что от меня требуется?

– О, совсем немного... нужно...

– Хорошо... Когда?

– Тебе сообщат... Царь Гатал... поход против сколотов...

У юноши по коже побежали мурашки: царь Гатал – один из злейших врагов сколотов! Это предатели! Но кто они? Пытаясь разглядеть собеседников, юноша приподнялся на локтях; и в тот же миг злобное рычание пса, сопровождавшего незнакомцев и которого он не заметил в темноте, оповестило их о присутствии постороннего.

Уже не скрываясь, юноша поднялся во весь рост и решительно шагнул им навстречу. Один, пониже ростом, тут же испуганно шарахнулся в сторону и скрылся среди хижин, чем окончательно подтвердил подозрение Абариса в недобрых замыслах этих полуночников; второй, скрестив руки на груди, остался спокойно стоять на месте. Пес зарычал сильнее, бросился было к юноше, но, повинувшись тихому оклику хозяина, возвратился обратно и застыл у его ног, скаля клыки и угрожающе урча.

– Кто ты? – резко спросил юноша у незнакомца, пытаясь разглядеть лицо, скрытое под низко надвинутой на лоб войлочной шапкой.

– Зачем тебе это? – ответил тот вопросом на вопрос, украдкой бросая взгляды по сторонам.

– Я сын вождя племени Абарис! Назови свое имя!

Незнакомец какой-то миг колебался; затем что-то шепнул псу, и тот ринулся на Абариса. Сверкнул клинок акинака, и пес с визгом покатился по земле. Тем временем незнакомец в несколько прыжков очутился рядом с Абарисом и попытался ударить его в живот длинным и тонким кинжалом. Юноша молниеносно отпрянул в сторону и нанес колющий выпад сбоку, стараясь легко ранить противника, который нужен был ему живым. Но акинак, звякнув, лишь скользнул по телу, пропоров одежду. «Кольчуга»... – понял юноша и закружил вокруг незнакомца, стараясь найти брешь в его защите: длинный кинжал в руках соперника был оружием не менее грозным и разящим, чем акинак.

---

³⁹ Меоты – племена, обитавшие на Кубани и на восточном побережье Азовского моря.

Наконец неизвестный, сознавая, что шум схватки может привлечь внимание ночной стражи, решил покончить с Абарисом одним ударом. Быстрым движением сбросив плащ, он намотал его на левую руку и, выбрав момент, сделал, как ему казалось, неотразимый выпад, целясь прямо в сердце юноши. Разгадав намерение врага, Абарис мгновением раньше поднырнул под руку и приемом, которому научил его старый, опытный воин Меченый, выбил нож у незнакомца, при этом проткнув ему акинаком предплечье. Но тот и не подумал сдаваться; словно рысь бросился на юношу, вцепился в него, и они упали на землю. Неизвестно, чем бы закончилась эта схватка, не подоспей дозорные, посланные для наблюдения за купеческим караваном. Участь незнакомца была решена: в два-три приема его спеленали, как младенца.

Когда Абарис, отряхнувшись, подошел к своему противнику, то даже присвистнул от удивления – это был эллинский купец Афеней!

– В акрополь! – приказал он дозорным, показывая на Афенея.

Купец застонал от злобы и унижения: желторотый юнец победил его, сильного и ловкого мужчину, неоднократно выходившего победителем в единоборствах и с более грозными соперниками...

Марсагет в ярости сжал горло Афенея; тот захрипел, закатывая глаза.

– Ты у меня все скажешь, собака! – вождь отшвырнул обмякшее тело в угол комнаты.

Афеней во время допроса не произнес ни слова, только презрительно улыбался на все вопросы Марсагета и Меченого. Он был по-своему мужественным человеком, этот сарматский лазутчик. Что можно ожидать от разъяренных сколотов, ему было хорошо известно. Он знал – пощады не будет.

– Хватит, – устало сказал Марсагет. – Продолжим после завтрака. Нужно немного вздремнуть.

– Его куда? – спросил Меченый, поднимая с пола полуживого Афенея.

– В пустую зерновую яму. И дружинника поставь... – Марсагет повысил голос: – Афеней, подумай! Мне нужно знать, кто был твоим собеседником. Если не перестанешь упрямиться, я прикажу содрать с тебя кожу! С живого! Уведи его!

Меченый вывел лазутчика и вскоре возвратился.

– Какие будут приказания? – спросил он.

– Не нравится мне этот купеческий караван... – после некоторого раздумья ответил вождь. – Слишком уж внезапно появился он у наших стен. Как случилось, что его не заметили наши сторожевые отряды? По какой дороге шел караван и кто его провел?

– Ты думаешь, это лазутчики сармат?

– Не исключено... Но мы не можем нарушить закон гостеприимства, поэтому пока нужно лишь усилить наблюдение за ними.

– Будет исполнено.

– Иди.

– Позволь спросить, Марсагет...

– Спрашивай.

– Что ответить купцам, если они поинтересуются, куда девался Афеней?

– А что хочешь, – ответил Марсагет. – Только, если наши предположения верны, боюсь, что такой вопрос они не решатся задать.

– И постараются как можно быстрее покинуть Атейополис, – подхватил его мысль Меченый.

– Правильно. Но к этому времени нужно, чтобы заговорил Афеней. Обязательно!

– И тогда...

– Да! – понял Марсагет. – А теперь ступай, дай мне отдохнуть. И сам поспи: день предстоит хлопотный...

Как следует выспаться вождю так и не удалось. Ранним утром его разбудил взволнованный начальник ночной стражи. Марсагет некоторое время не мог уловить смысл его сбивчивых, торопливых объяснений. Но затем подхватился, словно ошпаренный.

– Что-о?!

– Великий вождь, прости, виноват... – бормотал начальник стражи, не осмеливаясь посмотреть в глаза вождю.

– Да как... как могло это случиться?! Куда смотрели твои воины?!

Марсагет в ярости оттолкнул начальника стражи и выскочил наружу. В дальнем углу двора, у зерновых ям, толпились дружинники и телохранители. А возле одной из них в луже крови лежал воин, охранявший Афеней. Из его груди торчал обломок стрелы...

Военачальники хмуρο отмалчивались: то, что случилось ночью в акрополе, было настолько необъяснимо и тревожно, что они просто боялись высказать свои предположения взбешенному Марсагету.

– Кто? Кто-о?! – в который раз спрашивал вождь и, не получая ответа, еще больше ярился.

– Дозволь слово молвить, вождь... – появился в дверях Меченый.

– Ну! – нетерпеливо выкрикнул Марсагет.

– Следы ведут к озеру и там обрываются. Видимо, беглец переплыл озеро и скрылся в лесах. Я отправил четыре отряда на поиски и гонцов, чтобы предупредили дозоры.

– Почему молчали сторожевые псы? – спросил Марсагет.

– Их кто-то усыпил, – потупясь, ответил Меченый.

– Какой позор! – взорвался вождь. – О, великие боги, среди нас изменники! И мы до сих пор не знаем кто! Как они проникли в акрополь и каким образом ушли?

– Это удалось установить, – Меченый швырнул на пол тонкий и прочный волосяной аркан с узлами, вязанными через равные промежутки. – Стрелу пустили сверху, со стены. Кстати, оружие убитого – акинак и горит с луком – исчезло, – добавил он.

– Ладно... – Марсагет немного поостыл. – Вечером общий военный совет. Предупредите Радамасевса и Аттамоса. А сейчас займитесь подготовкой к походу. Все свободны. Ты останься, – обратился вождь к Меченому. – Что купцы? – спросил Марсагет у Меченого, как только последний из военачальников исчез за дверью.

– Молчат.

– Я так и думал... Как торг?

– Отдают все за бесценок. И наши товары берут, почти не торгуясь.

– То-то и оно... Как думаешь, когда двинутся в обратный путь?

– Сегодня, не позже чем после обеда, – уверенно ответил Меченый.

– Пошлешь за ними своих следопытов. Не исключено, что к ним где-то в пути присоединятся и Афеней. Он мне нужен живым! Воинов подбери самых надежных и опытных. Думаю, три сотни тебе хватит. И смотри, чтобы на этот раз без промаху!

– Постараюсь.

– От этого многое зависит, Меченый, – вождь положил руку на плечо старого воина. – Мы обязательно должны найти гадину, которая затаилась среди нас и так больно кусает.

– Я понимаю.

– Да, вот еще что: дай под начало кузнеца Тимна десяток воинов, и пусть он поднимется вверх по Борисфену. Мне нужно знать, где передовые отряды сармат.

– Но Тимн...

– Это пусть тебя не волнует! – вождь нахмурился. – Тимн один из лучших следопытов племени. Тебе это известно. А гадальщики пусть подождут... до более благоприятных времен.

– Да, но старейшины и жрецы...

– Сейчас принимаю решения я, – отдельно и твердо сказал Марсагет. – Это моя забота. Скажешь Тимну, что мне нужен пленник-сармат. Если все удачно обернется, пусть пока не возвращается домой, а ждет от меня указаний.

– Где он должен ждать?

– Там, где мы охотились две зимы назад. Он знает...

Купеческий караван вышел из главных ворот вскоре после полудня. Чуть раньше десяток воинов во главе с кузнецом Тимном выехали через те же ворота на лучших жеребцах из табуна вождя и ускакали в степь.

Глава 7

Склоны глубокого оврага кудрявились зеленым сочным листом вековых лип, а на дне оврага журчал ручей, спрятанный среди густой поросли гибкого ивняка. Одним концом овраг примыкал к лесу, а второй терялся где-то в глубине безбрежной степной равнины.

Вечерело. Подернутое дымкой испарений солнце поблекло и медленно скатывалось за горизонт. Длинные тени манили вечерней прохладой, пришедшей на смену дневному зною.

Еле слышимый шорох листьев заставил насторожиться человека – спрятавшись среди ветвей высоченной липы, он высматривал что-то в глубине оврага. Теснее прижавшись спиной к толстой ветке, человек бесшумно наложил на тетиву лука стрелу и застыл в напряженном ожидании.

Среди густого папоротника мелькнула тень, и на крохотную поляну, бесшумно ступая, вышел мужчина, одетый с ног до головы в звериные шкуры шерстью наружу. Его глубоко посаженные быстрые глазки были почти не видны среди буйной растительности, покрывавшей лицо; длинные, давно не чесанные волосы топорщились на голове, напоминая львиную гриву. В руках он держал увесистую дубину, утыканную медвежьими клыками, а на тонком сыромятном ремешке, заменявшем ему пояс, висел короткий нож с широким лезвием в деревянных ножнах. Принюхиваясь по-собачьи, он ступил шаг, другой – и вдруг неподвижно застыл, глядя себе под ноги. Затем медленно опустился на четвереньки, ощупал землю короткопалой заскорузлой ладонью – и стремительно нырнул в заросли. Человек, сидевший на ветвях липы, втихомолку выругался и опустил лук – он разглядел причину внезапного исчезновения неизвестного: несколько сломанных травинки и неглубокие вмятины в земле, которые тот ощупывал, были следами наблюдателя. Запрятав лук в мягкий кожаный горит, он соскользнул вниз и так же бесшумно и быстро, как и мужчина в звериных шкурах, скрылся среди деревьев.

В том месте, где ручей выныривал из зарослей, превращаясь в неглубокое озерцо с кристально-чистой водой, спуск в овраг был пологим. В конце спуска, на берегу озерка, посреди большой и ровной поляны, расположился купеческий караван. Дымили костры, жалобно бляли овцы, предназначенные на жаркое к ужину, шумно отфыркиваясь и галдя, купались воины наемной стражи, смывая липкий пот и дорожную пыль.

Немногочисленная группа воинов в полном боевом облачении с завистью поглядывала на купающихся, готовясь в сторожевой дозор. Слуги распрягли быков и сбивали их в стадо, чтобы отогнать на пастбище; купцы о чем-то совещались чуть поодаль.

Неожиданно громкий воинский клич обрушился на мирную суету привала. Словно из-под земли выросли на склонах оврага лучники и с безупречной меткостью и слаженностью принялись осыпать стрелами мечущихся в страхе купцов и наемную стражу. Тех, кто пытался пробиться сквозь их ряды, смяла лавина всадников, хлынувшая в овраг. Вскоре беспощадная резня закончилась, и победители принялись в спешке запрягать быков и увязывать поклажу. Когда сумерки опустились на землю, в овраге воцарилась тишина. Только скулеж псов над телами погибших, да скрип колес повозок каравана, который увели победители, еще долго витали над степью, пока не растаяли в ночи...

Светало. Тоскливый собачий вой, всю ночь тревоживший степь, затих. Видимо, осиротевшие псы покинули овраг, где покоились вечным сном их бывшие хозяева. Рассвет наполнил хмурыми тучами, обещавшими пролиться дождем. Лесное зверье затаилось в чащобе, стараясь найти пристанище перед непогодой.

Два человека пробирались сквозь седой туман, заполнивший овраг. Впереди шел коренастый мужчина, одетый в звериные шкуры; следом за ним, в двух-трех шагах, слегка пригнувшись и сжимая в руке обнаженный акинак, шел другой, закутанный в длинный плащ. Когда они очутились на берегу озерка среди трупов, человек в плаще начал кого-то искать, всматри-

ваясь в лица убитых. Наконец возле кустов, на берегу ручейка, нашел – опустившись на колени, принялся тщательно обыскивать труп одного из купцов. Судя по тому, как он, поднявшись на ноги, сыпал проклятиями, его поиски не увенчались успехом. Не выбирая дороги, человек в плаще решительно полез вверх по склону. За ним поспешил и его коренастый попутчик, успевший прихватить с собой две свежие бараньи шкуры, забытые или незамеченные впопыхах победителями...

Небо обрушило на лесные заросли потоки воды. Прямые упругие струи хлестали по листьям и, рассыпаясь на мириады капелек, упрямо стремились проскользнуть сквозь густой зеленый шатер к земле. Борисфен шершавился под ударами дождинок; грязно-желтые потоки хлынули с берегов, замутив реку.

Невдалеке от крутого обрывистого берега Борисфена, среди бурелома, струилась узенькая тропинка; она вела к небольшой хижине, вросшей в землю почти по крытую корой крышу. Еле приметный в дождевом ненастье сизый дымок неспешно выползал из отверстия в крыше и тут же таял среди густой листвы. Уже известный нам лесной житель в звериных шкурах и его товарищ в длинном плаще торопливо, но бесшумно вышагивали по тропинке, направляясь к хижине.

Сквозь приоткрытую дверь виднелся небольшой костер; над ним исходил душистым паром котелок. Стены хижины были сплошь увешаны связками трав и кореньев, аромат которых примешивался к дыму очага.

У огня сидел хозяин – худой седобородый старик в накиннутой на плечи волчьей шкуре. Изможденное лицо, изрытое глубокими морщинами, было исполосовано шрамами, один глаз вытек, и на его месте темнел провал, прикрытый дряблым веком. Зато второй глаз светился в отблесках костра на коричневом лице, как огромная жемчужина; время от времени в бездонной глубине зрачка зажигались и гасли искорки, словно звездопад в ночном августовском небе. Немощная неподвижность фигуры и застывшие на коленях руки были прямой противоположностью живого острого ума, светившегося в беспокойном взгляде старика.

Варево забурлило и выплеснуло в костер хлопья пены; старик встрепенулся и длинной, гладко остроганной палочкой помешал в котелке. Затем неторопливо отложил ее в сторону и неожиданно крепким для его лет голосом сказал, обернувшись к двери:

– Входите, путники. Негоже таиться за порогом в такое ненастье.

Застигнутые врасплох словами старика, лесной житель и его попутчик, смущенно пробормотав слова приветствия, вошли в хижину и уселись у очага напротив хозяина.

– Давно ты не появлялся в наших краях, Одинокий Волк, – испытующе глядя из-под густых мохнатых бровей на лесного жителя, одетого в звериные шкуры, сказал старик.

– Давно, – согласился тот, слотнув слюну при виде кости с мясом, выглядывавшей из котелка.

– Опять за старое взялся?

– Гы-гы-гы... – справившись с непривычной для него робостью, развязно загоготал Одинокий Волк. – Я и не бросал.

– Гнева богов не боишься?

– Ха-ха! Это я-то! А ты вот мне скажи, что они тебе дали, твои боги? Горбатую спину да кривой глаз?

– Замолчи! – гневно воскликнул старик и, вытянув руки над очагом, забормотал заклинания.

Полупогасший костер вдруг вспыхнул ярким пламенем и взметнулся ввысь, едва не опалив Одинокого Волка и его попутчика, хмуро прислушивавшегося к разговору. Они испуганно отпрянули назад, прикрывая лица руками.

– Великая Табити гневается! – старик даже не поморщился от обжигающих языков пламени, коснувшихся его рук.

– Оставь эти штуки, старик, – впервые подал голос попутчик Одинокого Волка. – Жрецы Айгюптоса⁴⁰ умеют и не такие чудеса творить. Мы чтим святое имя хранительницы очага и готовы принести искупительную жертву. И прости Одинокого Волка за неумные слова.

– Кто ты? – старик впери́л свой единственный глаз в попутчика Одинокого Волка.

– Я эллин, – надменно бросил тот, усаживаясь поудобнее.

– Назови свое имя.

– Зачем оно тебе? Я – твой гость и этого достаточно.

– В твоих жилах нет даже капли крови эллинов, – насмешливо сказал старик. – Ты сын раба-варвара, пришелец.

– Как ты смеешь, негодный старик! – лезвие акинака сверкнуло над очагом.

– Оглянись! – старик властно поднял руку.

Леденящее душу шипение заглушило шум дождя. Попутчик Одинокого Волка стремительно обернулся и застыл в ужасе: за его спиной у стены хижины свивали тугие скользкие кольца две огромные змеи. Треугольные плоские головы гадов покачивались почти на уровне его лица, примеряясь для смертоносного броска. Одинокый Волк сидел, словно каменное изваяние, только обезумевшие глаза пучились на помертвевшем лице, как шляпки крохотных грибов-поганок. Так они, как им показалось, просидели неподвижно целую вечность. Наконец мертвую тишину хижины нарушил тонкий, еле слышимый свист. Змеи бесшумно скользнули вдоль стены и исчезли так же внезапно, как и появились.

– Как тебя зовут, незнакомец? – спокойно, как будто ничего не случилось, спросил старик.

– А-а-фе-ней... – с трудом шевеля задеревеневшим языком, почти шепотом промолвил тот, все еще не в силах оторвать взгляд от того места, где только что клубились змеи.

– Выпей... – старик наполнил деревянную чашу каким-то густым ароматным напитком и протянул ее Афенею.

Он схватил чашу, жадно прильнул к шерботому краю и выпил ее до дна, не переводя дух.

– Ты тоже, – презрительно улыбнувшись, старик подал чашу и Одинокому Волку. – А теперь прошу вас разделить со мной скромную трапезу...

Когда с наваристой похлебкой и мясом было покончено, старик отбросил прикрывающую плечи волчью шкуру и поднялся. Он оказался высокого роста, с неожиданно для его возраста широкими и прямыми плечами, указывавшими на недюжинную силу. Левое плечо было чуть ниже правого, а на спине, под рваной кожаной безрукавкой, топорщился небольшой горб, из-за чего старик сутулился. Старая, застиранная до дыр рубаха под безрукавкой была подпоясана таким же сыромятным ремешком, что и одежда Одинокого Волка. У пояса висели длинный бронзовый нож, точильный камень и привязанные к тонким шнуркам деревянные резные фигурки Апи и Папая.

Афеней и Одинокый Волк, к которому вернулось его обычное состояние – смесь наглости и трусливой осторожности, – тоже встали и вышли из хижины, благо дождь уже закончился. Афеней, переступив порог, облегченно вздохнул. И, почувствовав себя значительно увереннее, обратился к старику:

– Прими нашу благодарность за приют и очаг...

– Не стоит, – оборвал его старик и спросил у Одинокого Волка: – Какое дело привело вас ко мне?

– Нам нужно переправиться на ту сторону, Авезельмис.

– Я вас не держу, – ответил старик, внимательным взглядом окинув с ног до головы непрошенных гостей.

– Но у тебя есть лодка, – возразил ему Одинокый Волк.

---

⁴⁰ Айгюптос – древнегреческое название Египта.

– Откуда ты знаешь?

– Гы-гы-гы... – засмеялся тот. – Одинокий Волк многое знает...

– Послушай, Авезельмис, – вмешался в разговор Афеней. – Мы тебе хорошо заплатим. Золотом.

– Зачем мне твое золото, чужестранец? Разве оно согреет меня в долгие зимние вечера или накормит, когда я голоден?

– У кого есть золото, у того есть все, – Афеней порывился в складках плаща и протянул старику две массивные золотые подвески. – Возьми. За это можно купить десяток лодок и в придачу молодую красивую рабыню. Она заменит тебе в холодные ночи очаг.

– Я уже не так молод, чтобы тело юной девушки могло заменить мне божественное тепло Великой Табиты. И много лодок мне тоже не надо, с меня хватит одной. Могу только дать хороший совет: у злого умысла золотые одежды, да грязное тело, поэтому советую вам перебраться на тот берег вплавь. Может, холодная вода Борисфена остудит ваши головы и смое грязь ваших замыслов. На все воля богов...

– Авезельмис, поостерегись! – Афеней зло прищурился.

– Ты мне снова угрожаешь, чужестранец? – старик нахмурился и недобро посмотрел на Афенея.

– Постой, господин! – Одинокий Волк схватил Афенея за полу плаща и обратился к старику: – Авезельмис, мы пришли к тебе за помощью только потому, что наша жизнь висит на волоске. А виной этому вождь скелотов Марсагет.

– Марсагет?! – старик порывисто шагнул к Одинокому Волку и словно клещами сжал ему руку. – Это правда?

– Клянусь! – поморщился от боли Одинокий Волк. – Его воины преследуют нас по пятам.

– Хорошо... – старик задышал тяжело, с хрипотой. – Если это правда, вы получите лодку. Но если ты мне солгал, Одинокий Волк, берегись!

С этими словами он быстро зашагал по тропинке к берегу. Одинокий Волк подмигнул обрадованному неожиданной удачей Афенею, и они заспешили следом.

Лодка, представлявшая собой бычью шкуру, натянутую на раму из сплетенных в виде ковша ивовых прутьев, едва не черпала воду под тяжестью двух тел. Но плыть в ней было можно, и причем весьма быстро, в чем сразу же убедился Афеней, когда, оттолкнувшись от берега, принялся загребать коротким широким веслом с хорошо полированной от частого употребления рукояткой.

Неожиданно Афеней резко остановил утлое суденышко и, размахнувшись, бросил на берег к ногам Авезельмиса золотые подвески.

– Прими в знак благодарности, старик! Не как плату, а как подарок. И поверь: на свете нет ничего дороже и желанней золота! Ха-ха-ха!

Старик долго стоял на берегу, хмуро уставившись вслед беглецам, пока туманная пелена не скрыла их. Тяжело вздохнув, он было направился к хижине, но затем вернулся, поднял с земли золотые подвески и долго рассматривал. Потом с брезгливой миной на лице швырнул в воду. И, уже не оборачиваясь, стал медленно подниматься на крутой берег по вырубленным в плотной глине скользким от дождя ступенькам, опираясь на тяжелый деревянный посох.

Глава 8

Марсагет волновался: уже которые сутки не было вестей ни от сторожевых постов, ни от разведывательных отрядов Радамасевса, ни от Тимна. Его боевая дружина, усиленная воинами Радамасевса и ремесленниками, горела желанием выступить в поход. Остальное население Атейополиса готовилось к возможной длительной осаде. Хлеба было вдоволь, в спешном порядке запасались солонина, вяленая и соленая рыба. Кое-где чинились стены и подсыпались валы, заготавливались впрок дрова, камни для пращей, на валах ставили огромные котлы для кипятка, собирали большие булыжники и бревна.

Но если среди простых сколотов царило единодушие перед лицом надвигающейся опасности, то среди приближенных вождя не утихали споры. Особенно досаждали Марсагету старейшины и жрецы, затаившие на него обиду из-за Тимна. Когда глава старейшин, желтоглазый старец, узнал о решении вождя отложить гадание на неопределенный срок, он едва не задохнулся от злости и принялся осыпать его упреками за неуважение к законам предков. Большого труда стоило Марсагету удержаться, чтобы сгоряча не наговорить старцу дерзостей: это могло восстановить против него старейшин и жрецов, что вовсе не входило в его планы перед решающими боями. Поэтому он лишь напомнил о своей неограниченной власти во время военных действий, что, конечно же, не удовлетворило желтоглазого старца. Но ведая, чем может кончиться сейчас его упрямство, глава старейшин сделал вид, что смирился. И это очень встревожило вождя – он хорошо знал хитрый и коварный нрав старейшины. Когда-то старец помог Марсагету стать вождем племени, и вождь отчетливо представлял последствия размолвки с ним... Но делать было нечего, выбирать не приходилось, и Марсагет решительно отменил все сомнения и колебания, хотя и осознавал всю сложность борьбы за устойчивость позиций, занимаемых им до сих пор.

Ночи тоже не приносили желанного покоя. И в эту ночь Марсагет проворочался на ложе до самого утра, каждой мышцей тела ощущая непривычную жесткость постели, которая казалась ему чужой, постылой. Мысли толпились в голове, словно табуны на водопое. Наконец вождь не выдержал испытания бессонницей и вышел во двор.

Утренняя заря окрасила полнеба в пурпурные тона. Где-то за валами, в степи, перекликались пастухи, угоняя стада на пастбища, – теперь животных ночью держали поближе к Старому Городу. Сменилась ночная стража, и дружинники толпой направились в ворота акрополя, где под навесом их ждал сытный завтрак. Три рабыни, непринужденно болтая о своих женских делах, несли воинам кувшины с оксюгалой; завидев вождя – простоволосого, в ночных одеждах – смутились и робко пробормотали приветствие. Сторожевые псы грызлись на помойке из-за потрохов, выброшенных кухарками, в загоне хрустели травой лошади, между ними торопливо сновали конюхи, приводя в порядок своих подопечных.

Утренняя прохлада освежила вождя, и он было направился к себе в опочивальню, чтобы одеться, как вдруг громкие возгласы у ворот заставили его остановиться. Послышался звонкий топот копыт, и к Марсагету подлетел Меченый. Соскочив с коня, он торопливо подошел к вождю.

- Марсагет, да хранит тебя Священная Табити, есть новости!
- Пусть боги будут к тебе благосклонны, – поприветствовал его вождь. – Рассказывай.
- Возвратились воины Тимна. И не впустую – двух языгов⁴¹ захватили.
- Языгов? – переспросил Марсагет, встрепенувшись в радостном возбуждении. – Молодец Тимн! Где они?
- У ворот акрополя. Ждут твоих приказаний.

⁴¹ Языги – название одного из кочевых сарматских племен.

– Давай их сюда! Я сейчас оденусь...

Привели захваченных в плен языгов. Один из них, невысокого роста, с загорелым безусым лицом, поддерживал под руку второго, широкоплечего и бородатого, чей короткий окровавленный плащ свидетельствовал о том, что он получил ранение во время схватки. Крепкий панцирь бородатого воина из воловьей кожи был пробит в двух местах, откуда все еще сочилась кровь, несмотря на то что раны тщательно перевязали – видимо, сказалась дальняя дорога в седле.

Марсагет в пурпурном плаще и высокой конусообразной войлочной шапке, служившей знаком принадлежности ее хозяина к могущественному племени базилидов (из него вышли все вожди, военачальники и старейшины сколотов – племени, первым царем которого был легендарный Сколопит), стоял у порога, держа в правой руке священный жезл. Внимательно рассмотрев пленников, вождь остановил взгляд на безусом воине; повинувшись знаку Меченого, его подтолкнули поближе к Марсагету.

– Кто вождь вашего племени? – спросил Марсагет у пленника.

Тот кинул в его сторону взгляд, полный непримиримой ненависти, и отвернулся, ничего не ответив, только крепче сжав обветренные губы.

– Не хочешь говорить? – Марсагет хищно прищурил глаза. – Послушай, языг, ты еще молод и многого не знаешь. У меня есть способ заставить тебя разговариваться. Но только после этого ты пойдешь на жертвенный костер Вайу⁴². Я тебе сохраню жизнь, языг, если ты ответишь на все мои вопросы честно, без утайки. Даю тебе в этом мое слово.

– Я не трус и не изменник, – презрительно улыбнувшись, ответил языг высоким грудным голосом и смело посмотрел в глаза вождю.

Марсагет грозно нахмурился, сделал шаг вперед, как бы намереваясь тут же расправиться с непокорным пленником. Но, поостыв, снова обратился к нему:

– Я не сомневаюсь в твоих словах, языг. Все мы – сколоты и сарматы – дети одного отца, Таргитая, который дал нам мужественное сердце. И поверь, мне больно смотреть на то, что братья встречаются не на пиру, а на поле брани. Но не мы пришли к вам, и не кони сколотов топчут ваши степи. Вы явились к нам с мечом в руках, чтобы забрать то, что вам не принадлежит. Вас много, мы это знаем, и в этом ваше преимущество. Но земли наших дедов и отцов мы не отдадим без боя, языг. Пусть прольются реки крови, но первой каплей в них будет твоя. Приступайте! – приказал вождь дружинникам.

– Остановись, вождь, заклинаю тебя! – бородатый языг вырвался из рук воинов и упал на колени перед Марсагетом. – Я все расскажу! Сохрани нам жизнь.

– Замолчи! – рванулся к нему товарищ, но вовремя схваченный за руки, принялся яростно выкрикивать проклятья.

– Уведите! – указал вождь на безусого.

– Нет! Не-е-ет! Не говори! – кричал тот.

Когда отчаянно упирающегося языга увели в одну из комнат дома, Марсагет обратился к бородатому пленнику:

– Ну что же, рассказывай.

– Вождь, дай слово, что мы останемся жить!

– Я уже сказал.

– Хорошо, я тебе верю, вождь. Я все скажу. Спрашивай.

– Кто ваш военачальник?

– Дамас – вождь племени.

– Только ваше племя идет на нас?

---

⁴² Вайу – бог войны у скифов и их воинский клич; жертвенником Вайу служил меч, воткнутый в кучу хвороста; ему приносили человеческие жертвы – захваченных в плен врагов.

– Нет. С нами отряды роксолан и аорсов⁴³.

– Значит, вы объединились?

– Да. Царь Гатал прислал к нам три зимы назад послов, и с этих пор он наш владыка – так решили наши вожди и царь Завтинос.

– Племена сираков и аланов тоже с вами?

– Нет. Их вожди отказались вступить в наш союз...

Когда допрос пленного закончился, дружинники привели второго языга.

– Развяжите его, – приказал Марсагет, завидев веревки на руках безусого.

Приказ был тут же исполнен, и молодой языг принялся растирать онемевшие руки, безучастный к окружающим. И только высоко вздымающаяся при каждом вдохе грудь, да легкий нервный тик, крививший искусанные до крови губы, выдавали его истинное состояние.

– Вы оба свободны, – обратился к пленникам Марсагет. – Можете оставаться у нас: получите наделы земли и жен. Если не желаете – идите на все четыре стороны, я вас не держу.

До безусого языга только теперь дошел смысл происходящего. Вперив горящий взор в товарища, он охрипшим голосом выдал из себя:

– Ты... ты... все рассказал?

Тот, не поднимая головы, кивнул в ответ.

– Как ты... мог! Предатель! Ненавижу, не-на-вижу!

– Что ты говоришь? Я ведь ради нас... ради тебя! Мы будем жить, понимаешь, жить!

– Проклятый! Пусть солнце испепелит твоё тело, пусть небо обрушится на твою голову! Пусть шелудивые псы разнесут твои кости по степи!

– Не говори так! Не говори! Не проклинай меня! – бородатый с мольбой протянул к нему руки. – Мы спасены, мы уйдем отсюда, куда захочешь.

– Не-е-ет! – безусый языг молниеносным прыжком свалил на землю одного из воинов и выхватил у него из-за пояса нож.

Сверкнули акинаки телохранителей, и пленника окружил смертоносный частокол. Бросив исполненный глубочайшего презрения взгляд на бородатого, безусый языг повернулся к вождю и вонзил себе нож в сердце. Телохранители вождя, остолбеневшие на какой-то миг от неожиданного поступка пленника, подхватили уже бездыханное тело. При этом кожаный шлем языга свалился с головы, и длинные черные волосы волной хлынули на землю.

– Женщина! – вскричал Меченый.

Воины, смущенные таким поворотом событий, молча расступились, и в образовавшийся круг вбежал бородатый пленник. Обезумевший от горя, он тяжело рухнул на землю рядом с телом своей подруги, что-то нечленораздельно выкрикивая.

Марсагет, пораженный увиденным не менее своих воинов, какое-то время стоял в хмурой задумчивости; затем дал знак увести бородатого языга – тот в исступлении грыз землю и до крови царапал лицо. Когда его подняли на ноги, он с нечеловеческой силой расшвырял воинов и с рычанием бросился на вождя, пытаясь вцепиться ему в горло. Но Меченый был начеку – его акинак по рукоять вонзился в шею языга, и тот, захлебываясь кровью, упал у ног Марсагета. Спокойно и равнодушно посмотрел вождь на умирающего; затем обратился к Меченому:

– Этого пса – в реку, рыбам на корм. А ее похороните с почестями, как мужественного воина, павшего в бою.

– Тризну?.. – предложил Меченый.

– Нет, не нужно. По врагам не скорбят, но мужество и преданность ее достойны похвалы и уважения...

---

⁴³ Роксоланы, аорсы, сираки, аланы – сарматские племена.

Тимн и еще один воин после ночной вылазки в походный стан сармат, когда им удалось захватить двух пленников, не ушли вместе с остальными в Атейополис, а продолжали следить за вражеским отрядом. Погоня, снаряженная сарматами вслед разведчикам сколотов, вскоре возвратилась ни с чем: видимо, не решились с таким малочисленным отрядом углубляться в земли Марсагета – сила его боевой дружины была им хорошо известна. Нерешительность сармат, разбивших боевой стан среди редколесья и, казалось, чего-то ожидавших, настораживала разведчиков сколотов. Таясь в оврагах и кустарниках, Тимн с товарищем видели, как каждый день гонцы в сопровождении небольших отрядов скакали в степь или на взмыленных лошадях влетали в лагерь, торопясь к большой юрте из белого войлока, где расположился предводитель сарматской рати. После того как сколоты умыкнули языгов, сарматы приняли необходимые меры предосторожности, и теперь усиленные конные дозоры кружили как вблизи лагеря, так и в его окрестностях, нередко в сопровождении сторожевых псов. Потому-то Тимн и его напарник, чтобы их не учуяли псы, оделись в свежие собачьи шкуры мехом наружу, заранее припасенные опытным в таких делах кузнецом, а тело, лицо, обувь и оружие натерли настоем из полыни, шалфея и фиалки.

Запрятав коней в лесных зарослях, куда сарматы боялись забираться, Тимн и его товарищ лежали на пригорке, укрывшись в густой траве, – наблюдали. В лагере противника царило необычное оживление, особенно возле юрты предводителя. Вместо одного костра слуги разожгли еще четыре, табунщики пригнали двух молодых жеребчиков, тут же закололи, освежили и мясо, порубив на куски, бросили в котлы. Несколько рабов – их для большей прыти подстегивали ударами кнутов воины в железных кольчугах, видимо, телохранители предводителя – торопливо ровняли площадку рядом с котлами, выдергивая неподатливые кустики чертополоха и высокой полыни, и устилали землю грубой кошмой. Ее тут же, в большой спешке, многочисленные слуги заваливали грудями всевозможной снеди и бурдюками с вином. Группа воинов в парадном облачении гарцевала на высоких тонконогих жеребцах неподалеку от белой юрты. Здесь же, с трудом удерживая буланого коня в богатой сбруе, стоял конюший предводителя сармат – узкоглазый воин богатырского роста со свирепым лицом.

По всему чувствовалось, что ожидается какое-то важное событие и по этому случаю готовится большой пир. Разведчики сколотов внимательно всматривались в лагерь врагов, готовые в любой момент бесшумно исчезнуть, раствориться среди высоченного разнотравья и кустарников, если сторожевые дозоры окажутся чересчур близко. Но дозорные, увлеченные приготовлениями к пиру и в предвкушении событий, способных скрасить их тяжелую, полную опасностей кочевую жизнь, утратили присущую им бдительность, подтянулись поближе к лагерю, принюхиваясь к запахам необычно сытного ужина, который так же, как и у юрты предводителя, готовили их товарищи. Кое-кто из них успел приложиться к маленьким походным бурдючкам с оксюгалой, и теперь они, яростно жестикулируя, спорили о чем-то друг с другом, показывая в глубь степи.

На лагерь уже стали опускаться сумерки, когда раздались приветственные крики; вырвавшись из луженых глоток воинов, они всколыхнули степь. С востока к лагерю рысила многочисленная группа воинов; среди них выделялся широченными плечами угрюмый безбородый военачальник с длинными вислыми усами. Ему навстречу выехал предводитель сармат со своими приближенными, и, после обмена приветственными речами, все дружно двинулись к белой юрте, где на деревянных блюдах исходили паром темно-красные куски свежесваренной конины и жирно лоснилась подрумяненная дичь. Началось пиршество, продолжавшееся при свете костров до полуночи.

Наконец лагерь стал постепенно погружаться в сон. И только давно протрезвевшие дозорные исправно несли службу: сказывалась многолетняя привычка к воинской дисциплине, потому что за малейшую провинность наказание было одно – смерть и позор бесчестья, что считалось значительно хуже смерти.

Предводитель сармат и прибывший военачальник, оставив приближенных, удалились в юрту, где слуги зажгли походные жировые светильники. Тимн и его товарищ, забыв про осторожность, подобрались настолько близко к лагерю, что уже могли слышать отдельные слова и возгласы пирующих. Завидев, что военачальники скрылись в юрте, Тимн не удержался от соблазна проникнуть в сонный лагерь, чтобы подслушать их разговор. Шепнув напарнику несколько слов, после чего тот немедленно пополз назад, Тимн бесшумно двинулся вглубь вражеского стана, старательно избегая освещенных мест и держась поближе к кустам – в их тени можно было затаиться от случайного наблюдателя.

Уже недалеко от белой юрты он вдруг скатился в небольшую, невидимую в темноте ложбинку, едва не свалившись на голову сонному сармату; тот тут же заворочался, что-то бормоча. Тимн хотел было всадить ему в горло нож, но воин мог захрипеть или крикнуть в агонии и всполошить весь лагерь. Повозившись немного, укладываясь поудобней, сармат наконец нащупал виновника своего пробуждения – Тимн почувствовал, как рука воина затеребила собачьи шкуры на спине. Решив, что это один из сторожевых псов, пьянчужка принялся, запинаясь, выговаривать ему, пока его снова не одолел глубокий сон. Медленно, затаив дыхание, Тимн выскользнул из-под его руки и, мысленно поблагодарив Великую Табити за ее доброту, снова пополз по лагерю к юрте, сквозь приоткрытый полог которой посверкивали огоньки светильников.

Говорили вполголоса. Слова с трудом пробивались сквозь плотный войлок юрты, и Тимн в досаде выругался про себя: неужели все его труды впустую? Отчаявшись что-либо разобрать из беседы двух вражеских военачальников, он решился: еще раз осмотревшись и не заметив ничего подозрительного, приподнял нижний край войлока и просунул голову внутрь.

Простота внутреннего убранства белой юрты поразила Тимна. Он не раз видел походные жилища вождей и военачальников сколотов: ковры на полу и стенах, походное ложе с ворохом мехов, блеск богато украшенного оружия, развешанного по всей юрте. Здесь же – голые стены, хорошо выровненный и утоптаный пол, застеленный свежескошенной травой, вместо спального ложа несколько кожаных подушек, прикрытых потертым ковриком; на них и сидели оба военачальника.

Широкоплечий усатый гость – по одежде алан, как определил про себя Тимн, – угрюмо слушал разгоряченного вином вождя языгов Дамаса.

– ...Пока они не опомнились. Если Марсагет и Радамасевс объединятся для совместных действий и успеют как следует укрепить Атейополис, мы вряд ли сумеем без вашей помощи их одолеть!

– Не преувеличивай, Дамас... – проворчал алан. – Это не похоже на тебя. С каких пор ты стал бояться сколотов? Против твоей тяжелой конницы они не устоят.

– Ты прав, Карзоазос, в чистом поле – да. Но за стенами – другое дело. Если я здесь увязну до зимы, кто может поручиться, что другие племена сколотов не придут им на помощь? Радамасевс ускользнул... – Дамас выругался. – Проворонили мы свою добычу... А кормить войско чем? Запасы подходят к концу, тех нескольких табунов, захваченных нами у Радамасевса, для долгой осады не хватит.

– Значит, нужно выманить сколотов в степь, – Карзоазос потянулся, хрустнув суставами.

– Легко сказать! – горячился Дамас. – Марсагет опытный военачальник, мне приходилось с ним встречаться. Впрочем, разговор не об этом... Мне нужны твои воины, Карзоазос!

– Я не могу пойти против решения вождей аланов. Ты не хуже меня знаешь, чем это может обернуться... Пусть ваш царь Завтинос пошлет послов к царю сираков Сорсинесу – у него хорошая дружина.

– Но мы и так уже потеряли уйму времени! К тому же послы царя Гатала возвратились от царя Сорсинеса ни с чем. Почему он им отказал, ума не приложу. Да и ваши вожди хороши. Ведь была договоренность объединиться, ты помнишь, год назад...

– Ха! – воскликнул Карзоазос, словно вонзая невидимый нож в грудь врага. – Ты как будто вчера на свет появился, Дамас! У нас своих забот хватает с меотами, а ты предлагаешь еще и со сколотами связаться. Если они объединятся, боюсь, туго и вам, и нам придется – у меотов сильное войско, и вооружены они ничуть не хуже, чем твои самые отборные отряды.

– Но к этому времени мы сообщу успею разделаться с Марсагетом! Неужели ты не понимаешь, что Старый Город словно клинок в открытой ране на нашем теле? Из-за него мы уже сколько лет не можем спокойно торговать с эллинами, из-за него наши табуны отощали на скудных пастбищах у реки Сиргис, тогда как здесь – сам видишь! – травы в пояс, густые и сочные, словно молоко молодой кобылицы. Марсагет умножает свои богатства, а мои воины, мужи, равных которым нет среди трусливых скотов, должны ложиться спать с пустыми желудками!

– Ты несправедлив, Дамас, – алан укоризненно покачал головой. – Не возводи напраслину даже на врага – скоты далеко не трусы. В последнем бою с Радамасевсом ты, я думаю, смог в этом убедиться. И не нужно уговаривать, сам знаешь: для меня решение совета вождей аланов – закон. Я его не преступлю. Могу помочь тебе только хлебом и солониной. Пришлешь своих людей.

– Ладно. И на том спасибо, – проворчал обиженно вождь языгов.

– И мой тебе совет, – продолжил Карзоазос, приглаживая усы, – будь настороже: Марсагет – крепкий орешек, его с насока не возьмешь. Хитрец. Пошли следопытов, пусть разведают, где сторожевые посты скотов, чтобы захватить их врасплох. А еще лучше – если бы они смогли пробраться тайком в Старый Город...

– У меня там есть свои люди, – самодовольно ухмыльнулся Дамас. – Если бы Марсагет узнал...

И умолк на полуслове, уставившись на войлок юрты, неожиданно затрепыхавший, словно плащ на ветру. Зычный, чуть хрипчатый голос, в котором вождь языгов узнал голос своего конюшего, прокричал тревогу и тут же захлебнулся булькающими звуками. Сонный лагерь немедленно отозвался многоголосым гвалтом; среди сумятицы слов вдруг прорезалось одно и растворило в себе все остальные: «Скоты!».

– Скоты! – выкрикнул и вождь языгов, срывая со стены щит.

Карзоазос, хладнокровно прислушиваясь к крикам за тонким войлоком юрты, вытащил меч из ножен, потушил светильники и, пригнувшись, выскочил вслед за Дамасом...

Когда на спину Тимна обрушился, словно тяжелая каменная глыба, сармат, он не испугался и не растерялся. Сармат, пытаясь от натуги, пытался связать ему руки кожаным ремешком. Но недаром кузнец славился недюжинной силой и ловкостью среди соплеменников: извернувшись, он, словно клещами, стиснул запястья врага и подмял его под себя. Пожалуй, не менее сильный, чем кузнец, сармат отчаянно сопротивлялся, награждая увесистыми тумаками Тимна. Кузнец, потеряв всякую надежду на скорый и благополучный исход поединка и уже не опасаясь разбудить сонный лагерь, потому как его противник заорал что было мочи, взмахнул ножом...

Дамас и Карзоазос не успели к месту схватки конюшего с Тимном на самую малость. Тимн, отшвырнув с дороги одного из пьянчуг, уже не таясь, ринулся к коновязи, находившейся невдалеке от юрты Дамаса и где стояли наготове лошади дежурных телохранителей языга. Он с разбегу вскочил на широкогрудого скакуна, вздыбившегося от испуга. Но укрощенный сильной рукой кузнеца, конь стрелой помчал по лагерю к спасительной тени лесного разлива. На ходу подобрал поводья, обрубленные акинаком, Тимн распластался на спине жеребца, размашистым галопом уносившего кузнеца от погони. Несколько дозорных бросились наперерез, и в воздухе вдогонку разведчику скотов с леденящим душу свистом понеслись стрелы. Уже копыта скакуна топтали мягкий ковер лесной опушки, и густые ветви ночного леса были готовы укрыть беглеца, как одна из смертоносных посланниц все-таки нашла цель – острая

боль в спине едва не бросила Тимна под копыта коня. Теряя сознание, он из последних сил обхватил руками шею скакуна и уткнулся лицом в коротко остриженную гриву...

Глава 9

В один из ясных летних дней месяца гекатомбеона⁴⁴ 179 года до нашей эры в главном стане царя роксолан Гатала, раскинувшего свои юрты на берегу Понта Евксинского, царило небывалое оживление: сегодня ожидалось прибытие послов могущественного царя Фарнака I Понтийского.

Боевая дружина Гатала, сверкая на солнце тщательно полированным железом чешуйчатых и пластинчатых панцирей, окружала белую с красными полосками юрту царя, расшитую золотыми нитями, – ее подарили граждане Херсонеса⁴⁵. На высоком обрывистом берегу мыса, недалеко от юрт, возле кучи сушняка, застыли в ожидании несколько самых зорких воинов; они должны были при появлении в море кораблей посольства зажечь сигнальный огонь.

У самого берега, на широкой песчаной косе толпились празднично одетые подданные царя Гатала, коротая время в разговорах. Здесь собрался народ победнее, не то, что возле юрты царя, где его приближенные и старейшины старались перещеголять друг друга богато украшенным золотом и драгоценными камнями оружием и расшитыми золотыми и серебряными нитями одеждами. Лишь изредка среди толпы на берегу мелькали холодной синевой дорогие железные панцири, подпоясанные тонкой металлической лентой-поясом, или посверкивали желтыми искрами добытые в воровских набегах и на полях битв у эллинов бронзовые шлемы, чтобы тут же раствориться в серо-коричневом потоке защитного облачения местного изготовления. Простые, но необычно прочные панцири из толстой воловьей кожи, панцири из пластин, нарезанных из лошадиных копыт и нашитых на кожу тонкой выделки наподобие змеиной чешуи, старинные панцири из маленьких чешуек полированного рога, прикрепленных к полотняной рубахе с длинными рукавами, напоминающие своим видом оперение птиц, – все это многообразие воинского снаряжения шуршало, звенело, скрипело, заглушая неумолчный шум прибоя и быстрый гортанный говор его владельцев.

Отдельной группкой держались молодые девушки-сарматки, одетые в доспехи, отличающиеся от защитного облачения воинов-мужчин более нарядной отделкой в виде нашитого на одежду бисера и разноцветных бусинок из агата, хрусталя, халцедона и янтаря. Многие на запястьях носили браслеты-обереги из бронзы и меди, изредка – золотые. Длинные волосы воительниц были подобраны, скручены в узел и запряганы под конусообразные шлемы из многослойной кожи или невысокие яйцеобразные войлочные шапочки, украшенные вышивкой, изображающей солнцеликое божество, которому поклонялось племя роксолан.

Рядом с ними толпились и неженатые юноши племени, бросая пылкие взгляды на своих избранниц, но не решаясь вступить в разговор: суровые амазонки тут же пресекали такие попытки со стороны менее сдержанных мужчин, свято соблюдая закон предков: пока девушка не одержит победу в бою и не украсит скальпом врага уздечку коня, она не имеет права выйти замуж. Только после этого подвига, совершив обряд жертвоприношения солнцеликому божеству, молодая сарматка снимала воинское облачение и уже больше не садилась на коня и не участвовала в походах, становилась рачительной женой, хозяйкой домашнего очага.

На небольшой возвышенности суетились слуги царя, заканчивая последние приготовления к предстоящему пиршеству. Уже закипала вода в котлах, и пастухи пригнали с пастбища лошадиный молодняк, самых жирных баранов и хорошо упитанных бычков, предназначенных к закланию; уже главный виночерпий царя, охрипший от указаний, начал пинками подгонять помощников рангом пониже, и царский повар почти бегом рыскал среди костров, старательно осматривая нанизанную на вертела битую дичь, готовясь в только ему известный момент дать

---

⁴⁴ Гекатомбеон – летний месяц по афинскому календарю (середина июля – середина августа).

⁴⁵ Херсонес – древний город в Крыму в черте г. Севастополя.

указание ставить все это на огонь; уже и воинская дружина царя собралась в полном составе во главе с военачальниками; а царь Гатал все не выходил из юрты.

Недоумевающие приближенные пытались узнать причину странного поведения повелителя у начальника телохранителей – только он один имел право входить к царю в любое время дня и ночи, – но тот упорно отмалчивался, всем видом давая понять, что в юрте происходит нечто необычное, чего он не имеет права разглашать. Это еще больше подогревало любопытство собравшейся знати, и сдержанный шепоток постепенно превращался в глухой гул, напоминающий жужжание пчелиного роя.

Гатал неторопливо мерил юрту шагами. Его грубоватое, обветренное лицо, обрамленное коротко подстриженной русой бородкой, хмурилось. Он сосредоточенно размышлял...

С давних пор царю роксолан не давали покоя богатства его соседей – сколотов, ведущих большую торговлю с Ольвией⁴⁶, Херсонесом и Танаисом⁴⁷. Обширные пастбища с несметными стадами в степях между реками Борисфеном и Сиргисом, жирный чернозем на берегах Танаиса и в устье Борисфена, где колосилась ядреная пшеница, – все это превращалось в вожделенное золото, оседаая в сокровищницах вождей сколотов. И в то же время сильные воинственные племена сармат довольствовались давно оскудевшими угодами в выжженной яростным солнцем степи между реками Ахардеем⁴⁸ и Араксом⁴⁹.

Предки царя Гатала – отец Мидосанк и мать, царица Амага – увели часть племени роксолан с гиблых полупустынных мест к побережью Понта Евксинского, где с согласия правивших тогда царей племени паралатов им были выделены земельные угоды. Но вскоре разросшемуся племени роксолан их границы стали тесны, и тогда боевые дружины сармат стали совершать набеги на соседей – эллинов-колонистов и сколотов. От былой дружбы и добрососедства остались только воспоминания; отношения между племенами стали натянутыми и не сулили ничего хорошего ни одной из сторон. Постепенно и другие племенные союзы сармат – аорсы, языги и сираки – стали все чаще тревожить набегами земли сколотов, перешли Танаис и добрались до реки Сиргис, сокрушая по пути ослабевшие из-за междоусобиц племена сколотов. Казалось, что этому неудержимому напору сколотам уже нечего противопоставить, и сильные дружины сармат закончат свой победный поход на берегах Меотиды и Понта Евксинского. Но совершенно неожиданно в степях Таврики появилась сила, способная остановить их. Сила, с которой начали считаться даже надменные цари Боспора⁵⁰, – боевые дружины царя Скилура, объединившего разрозненные племена сколотов в единое государство.

Царь Гатал закрипел зубами от злости, вспомнив события далеких дней. Тогда к его матери, царице Амаге, лично управлявшей племенем роксолан, так как царь Мидосанк, ее муж и отец Гатала, сутками пьянствовал и развлекался с наложницами, прибыли послы херсонеситов, чтобы просить у нее заступничества от бесчинств сколотов, грабивших дома колонистов, угонявших скот, сжигавших посевы и нередко осаждавших даже Херсонес, и требующих непомерной дани. Богатые дары, преподнесенные царице херсонеситами, послужили наиболее веским доводом в их просьбах, и Амага не мешкая отправила послов в город Хабеи, в те времена столицу царя сколотов, с настоятельной просьбой оставить ее друзей-херсонеситов в покое.

Но, уверенный в собственных силах, царь смеялся над посланниками царицы Амаги, даже не удостоив посольство сармат, согласно обычаю, приглашением разделить с ним трапезу. Взбешенная царица сама возглавила отряд в сто двадцать сильнейших дружинников; среди них был и ее сын Гатал, к тому времени, несмотря на молодость, известный своим муже-

---

⁴⁶ Ольвия – древнегреческий город-государство на Бугском лимане.

⁴⁷ Танаис – здесь: древний город в устье реки Дон.

⁴⁸ Ахардей – река Егорлык.

⁴⁹ Аракс – река Волга.

⁵⁰ Боспор, Боспорское царство – государство в Крыму, на Керченском полуострове.

ством и силой воли воин. По три запасных коня дала царица из своего табуна отборным гиппотоксотам. Загоняя до смерти скакунов, сарматы за сутки проскакали тысячу двести стадий⁵¹ и на рассвете, перебив стражу у ворот, ворвались в Хабеи. Сокрушая на пути малочисленных и напуганных их внезапным появлением дружинников и телохранителей царя (им в страхе привиделось несметное количество сармат), отряд во главе с царицей Амагой захватил акрополь, где после буйного пиршества отдыхал царь с семейством и приближенными. Амага собственноручно отрубила головы повелителю сколотов и его брату, а ее воины казнили почти всех знатных пилофириков⁵², прятавшихся в строениях акрополя. Почти всех...

Гатал вспомнил: в дальнем конце акрополя, у невысокой башенки с узкими бойницами, высокий длинноволосый сколот с красивым, чуть скуластым лицом и еще юношеским пушком на смуглых, румяных щеках и подбородке, рубился с дружинниками матери. Полураздетый, в изодранной полотняной рубахе, юноша стойко отражал выпады врагов; два окровавленных акинака в его руках, высекая искры из мечей сармат, то и дело находили цель. Уже несколько воинов получили ранения, а двое неподвижно застыли у ног сколота среди кровавого месива. Гатал выдернул из колчана стрелу, наложил ее на тетиву лука, прицелился...

«Остановись!» – властный голос матери заставил вздрогнуть искусного лучника, и стрела покорно склонила острие к ногам Амаги. Царица в забрызганном кровью бронзовом панцире, простоволосая, стройная, широким мужским шагом подошла к месту схватки; дружинники опустили мечи и расступились перед ней. Юный сколот шагнул вперед, покорно стал перед нею на одно колено и вонзил акинаки в землю. «Ты кто?» – спросила царица Амага у юноши. «Скилур, сын царя...» – ответил тот тихо, но внятно. «Нет, Скилур, царь сколотов!» – властно бросила царица и дала знак воинам, чтобы те поставили его на ноги...

«Мама, зачем?...» – спросил как-то Гатал. Царица поняла с полуслова его вопрос и нахмурилась. «Ты молод и еще глуп, сын! – резко сказала она. – Сарматы и сколоты – дети одного отца, и драка по любому поводу между ними не должна ослаблять наши племена на радость жадным и хитрым эллинам. Я была вправе проучить царя за его спесь и неуважение ко мне, и это мое личное дело, но оно ни в коей мере не касается других повелителей сколотов. Однако если бы я дерзнула посягнуть на верховную власть, чтобы стать их царицей, или умертвила последнего отпрыска вождей племени паралатов Скилура, последствия этой опрометчивости нашему племени стоили бы дорого – такие обиды сколоты не прощают никогда. Поэтому пусть пока юнец-царь наслаждается властью. Еще не пришло наше время, сын... К тому же Скилур будет всегда мне благодарен за царский жезл, врученный мной, и он дал обещание не трогать ни роксолан, ни херсонеситов...»

Просчиталась многомудрая царица-мать, еще как просчиталась! Быстро возмужал Скилур. Наученный горьким опытом отца, царь сколотов создал сильную боевую дружину, построил несколько крепостей. Среди них самыми сильными и хорошо укрепленными стали новая крепость – Напит и основанный еще царем Агаром город Неаполис: его царь Скилур сделал столицей своего государства. Скилур подчинил Ольвию, вынудил гордых херсонеситов платить дань, заставил и царей Боспора увеличить размер ежегодной дани, которую те платили вождям сколотов со времен царя Атея.

Тогда Гатал решил: три зимы назад он послал послов к царям языгов Завтиносу и сираков Сорсинесу, вождям племенных союзов роксолан, аорсов и алан с предложением объединиться под его руководством для совместной борьбы со сколотами. Долго пришлось убеждать ему владетельных вождей сармат, чтобы они приняли его предложение, сулившее всем немалые выгоды. Пришлось пустить в ход и лесть, и богатые дары, и даже пожертвовать любимой дочерью – ее он выдал замуж за повелителя языгов Завтиноса, глупого, недалекого человека.

⁵¹ Стадий – единица длины многих народов; в большинстве древних систем = 180 м.

⁵² Пилофирики – скифы царские (знать), отличительным признаком которых служили высокие войлочные колпаки.

И все-таки добиться полного единодушия он не смог – царь сираков и вожди аланов, уже согласившиеся выставить боевые дружины против сколотов и благосклонно принявшие его дары, неожиданно изменили решение и увели свои племена к Араксу и Меотиде. Разъяренный Гатал послал им вдогонку новых послов, но те не смогли разыскать вождей аланов, а царь Сорсинес не принял их, сославшись на болезнь.

Поэтому Гатал так и не решился выступить в открытую против царя Скилура, ограничившись посылкой сильного отряда в помощь вождю одного из племен языгов Дамасу, возглавившему войско сармат в степях возле реки Борисфен. Успешные действия Дамаса радовали царя роксолан. Но он понимал, что вся борьба впереди. Нужно было уничтожить племя Марсагета, разрушить сильно укрепленный Атейополис, являющийся главным опорным пунктом сколотов в степной Скифии и одним из основных поставщиков хлеба в эллинские апойкии⁵³ и саму Элладу. Только тогда можно было, заручившись поддержкой эллинов, имеющих немалую выгоду от торговли хлебом, и окончательно объединив вокруг себя все племена сармат, ударить по царю Скилуру (что стоило отпустить тетиву лука, послушаться матери-царицы? – глядишь, все сейчас обернулось бы по-другому...).

А теперь ему, царю одного из могущественных племен сармат, приходится в который раз отказывать в помощи херсонеситам из-за боязни открытого противоборства с царем Скилуром! Гатал заметался по юрте, стараясь унять бурю, бушевавшую в груди. Начальник телохранителей, сунувшийся было к повелителю, чтобы напомнить о том, что все уже в сборе, выскокил наружу как ошпаренный, – в гневе царь был страшен.

И вот сегодня Гатал ожидает прибытия послов царя Фарнака, могущественного повелителя Понта. Что задумал хитроумный старик? Что скрывается за богатыми дарами херсонеситов, прибывших два дня назад, чтобы уведомить его о благорасположении к роксоланам одного из самых коварных политиков среди правителей припонтийских государств? Конечно, самолюбие царя было польщено – как же, впервые с незапамятных времен властелин Понта шлет к варварам (так прозывали эллины все иноязычные племена) большое посольство. Это ли не знак уважения к повелителю роксолан Гаталу, не дань силе его боевых дружин? Но что же все-таки задумал царь Фарнак I Понтийский?

Громкие крики подданных Гатала спутали его мысли; недовольно поморщившись, он слегка приоткрыл тяжелый златотканый полог и выглянул наружу – на мысе горел сигнальный огонь.

– Эй, слуги! – зычный голос царя заставил вздрогнуть столпившуюся возле юрты знать.

Повелитель роксолан готовился встретить посольство царя Понта.

Рокот барабана заглушал скрип уключин, всплески весел и свист плети надсмотрщика, подстегивающей прикованных к банкам рабов-гребцов. Покорные ритму, заданному барабанщиком, примостившимся на носу триеры⁵⁴, гребцы дружно налегали на рукоятки длинных тяжелых весел, разгоняя судно. Полуголые мускулистые тела рабов источали крепкий запах мужского пота, и посол царя Фарнака I Понтийского, убеленный сединами гражданин Синопы⁵⁵ Асклепиодор, прикрыл нос куском тончайшего полотна, пропитанного ароматным маслом.

Посол расположился под навесом на корме триеры, где должен находиться триерарх⁵⁶. Теперь он, из уважения к высокому рангу своего пассажира, стоял возле барабанщика, пристально всматриваясь в прибрежные скалы – того и гляди вынырнут из какой-нибудь бухточки биремы⁵⁷ пиратов-сатархов, стремительные, словно коршуны. Триерарх невольно содрогнулся,

⁵³ Апойкии – колонии.

⁵⁴ Триера – древнегреческое боевое судно с тремя рядами весел и парусом; длина триеры (без тарана) 45 м, экипаж – 225 человек.

⁵⁵ Синопа – порт и город в Турции, столица Понтийского царства.

⁵⁶ Триерарх – командир триеры.

⁵⁷ Бирема – гребное судно с прямоугольным парусом и гребцами в два яруса; длина биремы около 40 м, скорость судна

вспомнив, как однажды он чудом ускользнул от неистовых сатархов, потеряв при этом добрую половину команды. Правда, теперь ему нечего опасаться: царь Фарнак, отправляя посольство, позаботился о хорошей охране послов и особенно богатых подарках для царя Гатала: в кильватере триеры шли три боевые биремы, окрашенные в ярко-зеленый цвет; они словно подчеркивали гордое величие посольского судна, пылающего пурпуром плавно изогнутых бортов, над которыми плескался белоснежный парус с золотым шитьем.

От самой Синопы попутный ветер раздувал паруса кораблей, и гребцы отдыхали, радуясь свежему бризу. Но у берегов Таврики они попали в полосу штиля и теперь шли на веслах, стараясь поскорее миновать опасные для мореходов места.

Асклепидора по выходу из Синопы укачало, и посол провел большую часть пути у борта, проклиная тот час, когда он согласился отправиться из-за своей глупости и неумемного любопытства к роксоланам. Но у берегов Таврики ему полегчало и после нескольких кубков вина добродушное настроение уже не оставляло посла до конца пути. Асклепидор даже поинтересовался у триерарха, как он находит дорогу в безбрежной водной пустыне, и тот долго втолковывал послу способ ориентировки в море по созвездию Малой Медведицы, открытый математиком Фалесом из Милета, показывал географические карты Анаксимандра, объяснял назначение тонких и хрупких на вид дисков, соединенных системой зубчатых колес, из которых состоял громоздкий механический прибор, показывающий время восхода и захода солнца, луны и других планет.

В конце концов от этих объяснений в голове Асклепидора все смешалось и ему пришлось для восстановления ясности мыслей осушить подряд два полных кубка родосского вина, причем один (тайком!) не разбавленный водой, как принято у варваров. Заключение при этом, что варвары понимают толк в вине и успокоенный заверениями триерарха, что путешествие, судя по всему, закончится благополучно, посол позвал тавра-переводчика Тихона. Он еще в детстве был вывезен в Понт и досконально знал язык варваров, и они долго совещались вполголоса о предстоящих переговорах с царем Гаталом. При этом Асклепидор подивился про себя мудрости этого варвара, посоветовавшему ему заменить рабов-гребцов из племени сармат на меотов, чтобы не обидеть этим могущественного владыку роксолан.

Асклепидор тоже не менее пристально, чем триерарх, вглядывался в таинственные и мрачные скалы легендарной Таврики. О ней он знал только понаслышке от боспорских купцов и купцов-ольвиополитов. Почему-то вспомнился послу сын Диофант, умолявший отца взять его с собой. Тогда Асклепидор потрепал любимца за густые черные кудри и, чтобы смягчить горечь отказа, приказал рабам привести свой подарок – великолепного персидского скакуна в богатой сбруе; за него ему пришлось заплатить купцам два таланта⁵⁸ серебром. Как засияли в восторге глаза сына, когда рыжий жеребец поднялся на дыбы, разметал конюхов и, словно сказочная птица, понесся по двору загородного дворца Асклепидора, почти не касаясь копытами земли! Да, Диофант подает большие надежды, недаром в его жилах течет благородная кровь царей Понта...

Воображение услужливо нарисовало разгоряченному крепким вином Асклепидору картину тех почестей, коих удостоился брат, метивший на трон царя Понта, и приведших его на плаху после прихода к власти тирана Фарнака, сына рабыни, – пусть будет проклят богами тот день! И если бы тогда Асклепидор проявил чуть больше решительности...

Испугавшись своих мыслей, посол втянул голову в плечи, почувствовав легкий озноб, словно меч царского палача уже коснулся его шеи, и бросил быстрый взгляд на переводчика Тихона, грустно смотревшего на такой близкий и в то же время такой далекий для него берег родины. Убедившись, что весьма проницательному Тихону, возвышенному царем Фарнаком

в пределах 10–14 км/час.

⁵⁸ Талант – (здесь талант серебряный), мера веса и денежная единица, равнялся 33,655 кг серебра; 1 талант = 600 драм.

за его ум и знание языков, сейчас не до тайных мыслей посла, Асклепиодор облегченно вздохнул и принялся перебирать в памяти события, побудившие дальновидного и умного политика, царя Фарнака I Понтийского, направить посольство к царю Гаталу.

Скифское государство во главе с царем Скилуrom уже не один год угрожало эллинам-колонистам в Таврике и на берегах Понта Евксинского. Ольвия, расположенная в устье Гипаниса⁵⁹, первая не выдержала этого натиска и признала Скилура своим повелителем, что, впрочем, не мешало ольвиополитам по-прежнему наживаться на торговле зерном. Но в самом тяжелом положении оказался Херсонес, издавна манивший скифских царей своим богатством и удобной гаванью, откуда тяжело груженные суда херсонеситов направлялись к далекому Трапезунту, солнечной Синопе, в Гераклею, Византий, Одесс и в более близкие города – апойкии эллинов – Томы, Истрию, Тиру.

Да, эллины умели устраивать свои торговые дела, улыбнулся про себя Асклепиодор, вспомнив старую поговорку: «Эллины сидят вокруг моря, как лягушки вокруг болота».

Смех смехом, а море – главный кормилец Эллады. Из Кирены – сельфий и шкуры быков, из Геллеспонта – скумбрия и другие виды соленой рыбы, из Фессалии и Скифии – зерно, мед, воск, шерсть, из Сицилии – свиньи и сыр, из Египта – папирус и паруса, из Сирии – ладан, из Крита – кипарисовые деревья, из Ливии – слоновая кость, из Родоса – изюм и фиги, из Эвбеи – груши, тучные овцы и бараны, из Карфагена – ковры и подушки, из Финикии – плоды пальмы и прекрасная пшеничная мука, из Фригии – рабы, из Аркадии – наемники. Все многообразие продуктов и товаров поступало в Коринф и Афины морским путем, и эллинские купцы и знать имели немалую выгоду от своего сидения вокруг моря. Это прекрасно понимал и царь Фарнак, жаждавший часть этого поистине золотого потока направить в сокровищницы Понта. И не только жаждал, но и предпринимал энергичные шаги для распространения своего влияния на все припонтийские апойкии эллинов.

Поэтому, когда херсонеситы обратились через Гераклею к царю Фарнаку, чтобы он взял их под свою защиту от набегов скифов, царь Понта долго не раздумывал. Весной Асклепиодор по поручению царя уже заключил мирный договор с царями вифинским и капшадокийским; к нему присоединилась Гераклея и некоторые другие города, расположенные на берегах Понта Евксинского. В договоре говорилось о совместных действиях против варваров. К договору примкнул и Херсонес – его послы совсем недавно покинули Синопу в весьма приподнятом настроении.

Асклепиодору припомнились строки клятвенного обязательства царя Фарнака, присовокупленные к договору между Понтом и Херсонесом:

«...Клятва, которой поклялся царь Фарнак, когда явились к нему послы Матрий и Гераклий: «Клянусь Зевсом, Землею, Солнцем, всеми богами олимпийскими и богинями: я навсегда буду другом херсонесцам, и если соседние варвары выступят походом на Херсонес, или на подвластную херсонесцам страну, или будут обижать херсонесцев, и эти призовут меня, буду помогать им, поскольку позволит мне время; и не замыслю зла против херсонесцев никоим образом, и не пойду походом на Херсонес, и не подниму оружия против херсонесцев, и не совершу против херсонесцев ничего такого, что могло бы повредить народу херсонесскому, но буду содействовать охране его демократии по мере возможности, пока они останутся верными дружбе со мной, и если поклянутся той же самой клятвой, и будут соблюдать дружбу с римлянами, и ничего не будут предпринимать против них. Соблюдающему клятву да будет благо, нарушающему же – обратное».

Клятва эта совершена в сто пятьдесят седьмом году, месяца даисия⁶⁰, как царь Фарнак считает».

---

⁵⁹ Гипанис – река Буг.

⁶⁰ Даисий – македонский месяц (конец марта – начало апреля).

Рим... Асклепидор озабоченно потер виски и в раздражении прикрикнул на виночерпия, вовремя не наполнившего кубок, – тот засмотрелся на стайку дельфинов, резвившихся прямо по курсу триеры. «...И будут соблюдать дружбу с римлянами...» Хороша дружба!

«Освященная» штандартами римских легионов, готовых в любой день обрушить свою мощь на раздираемую междоусобицами Элладу, а попутно прихватить и все ее колонии на берегах Понта Евксинского. Вот царь Фарнак и лебезит перед римским сенатом, задабривает дорогими подарками консулов и трибунов. Что ж, в деле держать нос по ветру Фарнак не знает себе равных, и лишний раз подчеркнуть ничего не обязывающими фразами свое расположение и уважение к Риму, конечно же, не помешает. Правда, при дворе поговаривают, что на этот раз царь Фарнак приказал текст договора вырезать на мраморной плите и выставить для всеобщего обозрения – в скором времени ожидали прибытия в Синопу довольно представительного римского посольства.

«...Буду помогать им, поскольку позволит мне время...» Асклепидор ехидно ухмыльнулся, вспомнив послов Херсонеса – Матрия и Гераклия, – они от радости и умиления готовы были целовать прах из-под ног старого интригана – как же, добились долгожданной помощи...

Асклепидор, опытный дипломат, не хуже царя Фарнака понимал, что договор без соответствующего подкрепления военной мощью Понта останется просто клочком пергамента. Послать сильный воинский отряд для защиты Херсонеса? Много ли толку будет от этого, да и кто может поручиться, что эти войска в скором времени не понадобятся царю Понта, прекрасно сознающему неопределенность и неустойчивость своего положения на троне.

Если позволит время... И тогда царь Фарнак вспомнил о повелителе роксолан, уже много лет враждующем со скифами. Это был выход, и царь Фарнак I Понтийский отправил лучших своих дипломатов – Асклепидора и тавра-переводчика Тихона – к царю Гаталу.

Глава 10

Гатал хмуро слушал захмелевшего Асклепиодора – посол, облокотившись на плечо Тихона, нес что-то несуразное. Это было видно по выражению лица тавра-переводчика, с трудом сохранявшего спокойствие. Иногда гримаса неудовольствия и даже гнева искажала строгие, словно высеченные из темного камня, черты лица Тихона, но тут же уступала место почтительному вниманию к словам посла. Переводчик пытался облечь их в осмысленные, приличествующие полномочному посланнику царя Фарнака выражения, чтобы не оскорбить повелителя роксолан, на союз с кем царь Понта возлагал большие надежды.

Асклепиодор, довольный сверх всякой меры удачным окончанием отнюдь не безопасного путешествия, поглощал вино в количествах, способных свалить и значительно более стойкого к возлияниям человека, чем гражданин Синопы. В начале пиршества по случаю прибытия посольства он, надев свои лучшие одежды, важно восседал рядом с царем Гаталом и, стараясь не уронить посольское достоинство, почти не пил хмельного в противовес варварам, приближенным царям Гатала, – те лакали вино кто кубками, кто деревянными резными чашами, подвешенными к поясу, а кто и из человеческих черепов, украшенных чеканным золотом, что вызывало в душе Асклепиодора ужас и отвращение. Но он не подавал вида, так как был заранее предупрежден Тихоном об этом, весьма кощунственном с точки зрения эллина, обычае варваров – как сармат, так и сколотов – пить вино или оксюгалу из черепа врага, побежденного в бою.

Но вскоре несколько кубков, собственноручно поднесенных послу царем роксолан, развязали язык чопорному Асклепиодору. Он махнул рукой на всяческие условности и, уже не церемонясь, пробовал разнообразные заморские вина. Их изобилие поражало даже выдавшего виды дипломата: здесь были сладкие хиосские и книдские, терпковато-кислые родосские, многолетней выдержки, густые и золотисто-желтые на цвет кипрские вина, не говоря уже о более дешевых и доступных варварам винах местного производства – из Ольвии, Тиры, Истрии.

Тихон, сгорая от стыда, позвал воинов, сидевших неподалеку, – их было десятка два; остальных предусмотрительный и осторожный триерарх на берег не отпустил. Когда посла общими усилиями усадили в лодку, чтобы увезти на корабль для отдыха, к Тихону подошел начальник телохранителей царя Гатала и, льстиво изогнувшись, почти шепотом попросил пройти в юрту предводителя роксолан.

«К чему такая таинственность?» – недоумевал Тихон, придерживая плащ – его накинул ему на плечи начальник телохранителей – и вышагивая вслед за ним в полной темноте среди потухших кострищ.

Отец Тихона, тавр из племени синхов, жил в городе Плакии, где у него были большой дом и земельный надел; его он сдавал в аренду, потому что принадлежал к довольно редкому у тавров купеческому сословию. Торговые караваны отца ходили к Меотиде, в степи сколотов и даже в земли будинов и гелонов... Маленький Тихон редко видел отца – тот сам водил караваны, – но когда он возвращался домой, мог сутками сидеть и слушать его рассказы о дальних землях, о племенах, с которыми отец вел торговлю, об обычаях этих племен. Отец, знающий много языков, что было необходимо при его занятии, диву давался прилежанию и необычайным способностям, обнаружившимся у сына при изучении чужой речи. В девять неполных лет Тихон свободно владел почти всеми языками и наречиями, на которых изъяснялись племена, живущие на берегах Понта Евксинского, Меотиды, рек Борисфена, Тираса, Истра, Гипаниса, Сиргиса, Танаиса и Аракса.

Однажды Тихона в десятилетнем возрасте отец, несмотря на возражения матери, взял с собой в очередную поездку. И когда через полгода возвратился, нанял для Тихона учи-

теля-элина, бежавшего из Керкениды⁶¹, захваченной скелотами, и попавшего в рабство к сатархам; у них его выкупил правитель Плакии, покровитель отца Тихона, затем уступивший элина за определенную мзду всеми уважаемому купцу. Вскоре Тихон мог уже довольно сносно изъясняться на языке элинов и научился писать. Возможно, в будущем Тихон стал бы, как и его отец, купцом, хотя особого влечения к торговле не ощущал, но события повернулись так, что двенадцати лет он попал на невольничий рынок в Синопе.

Тот день, так круто повернувший его судьбу, Тихон запомнил во всех подробностях. Уже будучи рабом, лежа в тесной вонючей клетушке, куда на ночь запирали таких же несчастных, как он, Тихон, закрыв глаза, снова и снова переживал бой, лишивший его отца...

Отец Тихона задумал обзавестись своим торговым флотом, чтобы вести морскую торговлю с колониями элинов в Понте Евксинском. Средства для этого предприятия у него были, дело оставалось за малым – построить или приобрести несколько судов. И когда ему подвернулись на торжище в Херсонесе три старые караки⁶², он долго не колебался. С командой вопрос решился быстро: тавры – прирожденные мореходы и нередко соперничали с сатархами в их пиратском промысле. Первый рейс в Горгиппию⁶³ прошел удачно, с большой прибылью для купца, а во второй – в Тиру – он взял Тихона, не устояв перед слезными просьбами своего любимца...

Две биремы пиратов вмиг разметали неуклюжие караки, малопригодные для морского боя. Одна из них, с зияющей в борту дырой от тарана, сразу же пошла на дно; вторую покинула команда, пытаясь спастись вплавь, доплыть к близкому берегу, где пенились буруны на мелководье и куда не могли подойти биремы; и только карака с отцом Тихона на борту приняла бой. Конечно, устоять против многочисленных сатархов, к тому же гораздо лучше вооруженных, чем воины купца, было невозможно, и это хорошо понимал закаленный в трудностях кочевой купеческой жизни отец Тихона. Но было одно обстоятельство, побудившее его на этот отчаянный шаг, – сын; за него, не колеблясь, он готов был пожертвовать всем своим достоянием и жизнью в придачу. Путь к спасению был только один: выбросить караку на мелководье, куда биремы с их более глубокой осадкой подойти не могли, и попытаться уйти в горы.

Возможно, этот план и удался бы, но помешал полный штить. Четырехугольный парус караки уныло обвис, и биремы зажали ее в тиски с носа и кормы. «Прыгай в воду! Плыви к берегу! Плыви-и!» – кричал отец Тихону, рубясь с неистовством обреченного. Но Тихон словно прирос к плетенному из веревок борту караки и расширенными от страха глазами наблюдал за схваткой. Когда отец в изрубленном окровавленном панцире рухнул на кучу мертвых сатархов, Тихон, не помня себя, с криком, заглушившим шум боя, бросился к нему и с недетской силой принялся отталкивать узколиких, загорелых до черноты пиратов, с гогогом начавшим делить между собой оружие и доспехи отца...

В эргастерии⁶⁴ Метродора, купившего щуплого Тихона за бесценно, работали два вольнонаемных мастера-каппадокийца, дюжий фракиец, черепичных дел мастер, с десятков подмастерьев-галатов и около трех десятков рабов из самых разных племен – здесь были сарматы и синды, скелоты и коли, халибы и тибарены, моосинки и даже один ассириец. Только тавров, кроме Тихона, не было; его поставили выполнять самую легкую из-за возраста работу: клеймить изготовленную в эргастерии посуду и черепицу. Правда, в его обязанности входило и еще много других дел: мыть посуду, чистить котлы, носить дрова и воду на кухню, а иногда быть и посыльным. Не по годам серьезный и замкнутый, Тихон через некоторое время стал любимцем рабов Метродора, оказавшись своего рода связующим звеном между всеми – спо-

---

⁶¹ Керкенида – античный город на месте современной Евпатории.

⁶² Карака – небольшое по размерам парусное судно.

⁶³ Горгиппия – современная Анапа.

⁶⁴ Эргастерия – мастерская.

способность к восприятию чужой речи здесь проявилась у Тихона в полной мере, так как теперь ему представилась возможность совершенствоваться во владении как ранее изученными языками, так и новыми, выученными уже в эргастерии.

Необычные способности юного тавра не остались незамеченными и Метродором. Лысенький толстяк, чрезвычайно подвижный и для своего занятия неплохо образованный, сразу смекнул, какой клад попал ему в руки всего за две драхмы. Поэтому Тихон вскоре стал выполнять обязанности писца, что для раба-варвара уже было явлением из ряда вон выходящим: а когда добродушный Метродор, привязавшись к немногословному и честному юноше, сделал его своим помощником, об этом заговорила вся Синопа.

Однажды в помещение, где работал Тихон (он в это время заполнял графы длинного пергаментного свитка, своеобразной конторской книги Метродора), вбежал сам хозяин, ни слова не говоря, схватил юношу за руку и потащил в дом. Удивленный и озадаченный необычным поведением хозяина, словно шарик катившегося впереди и время от времени смахивающего капли пота с покрасневшей лысины, Тихон быстрым шагом вошел вслед за ним в просторный дворик, окруженный белокаменными стенами, увитыми виноградной лозой.

Высокий, худой мужчина лет пятидесяти с надменным и несколько усталым выражением лица прохаживался крупным размашистым шагом по плитам дворика, изредка останавливаясь у невысокого резного столика в тени, под навесом, чтобы отщипнуть одну-две виноградины от огромной грозди, едва поместившейся в вазу ажурного плетения из лозы. Здесь же стоял красивый серебряный кубок, доверху наполненный темно-красным вином; на нем часто задерживал взгляд гость Метродора, любуясь изяществом линий чеканного рисунка. К вину он, судя по всему, не притрагивался.

– Это он? – голос мужчины, резкий и властный, заставил Метродора затрепетать.

Хозяин эргастерии подтолкнул вперед Тихона и, склонившись в низком поклоне, чуть слышно ответил:

– Да...

– Ну-ка, юноша, подойди ко мне! – обратился странный гость к Тихону на языке тавров.

Тихон вздрогнул от неожиданности, сделал шаг вперед и прикипел взглядом к невозмутимому лицу мужчины. В глазах странного гостя мелькнула мимолетная улыбка, на миг сгладившая резкость властных черт. Но только на миг – тонкие губы приоткрылись, и эхо его слов зазвенело металлом между каменными стенами дворика:

– Ну что же ты медлишь? Быстрее! – уже на языке ашшуру – ассирийском.

– Слушаюсь, господин... – ответил ему на том же языке Тихон, быстро пересек дворик и остановился перед ним, склонив голову.

– Та-ак... – удовлетворенно протянул мужчина, внимательно осматривая Тихона. – Это правда, что ты знаешь одиннадцать языков?

– Нет, господин, – ответил Тихон и, краем глаза заметив растерявшегося Метродора, пытавшегося подавать ему какие-то знаки, посмотрел прямо в лицо гостю. – Неправда. Я знаю девятнадцать языков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.